

Человек, который улыбался

Автор:

Хеннинг Манкелль

Человек, который улыбался

Хеннинг Манкелль

Комиссар полиции Курт Валландер #4

Застрелив при задержании человека, Курт Валландер впадает в депрессию и решает уйти из полиции. Когда давно знакомый ему адвокат просит Валландера разобраться в подозрительных обстоятельствах смерти его отца, тот категорически отказывается. Но вскоре самого адвоката убивают тремя выстрелами, и Валландер понимает, что совершил непростительную ошибку. Он возвращается к работе, чтобы расследовать уже двойное убийство. Однако начав охоту за преступником, инспектор сам становится объектом охоты.

Хеннинг Манкелль

Человек, который улыбался

Страшно не то, что великие люди аморальны, а то, что аморальность ведет к величию.

Де Токвиль

Серия детективов о приключениях комиссара полиции Курта Валландера

Хеннинг Манкелль

Убийца без лица

Ищейки в Риге

Белая львица

Человек, который улыбался

Ложный след

Пятая женщина

На шаг сзади

Глухая стена

Перед заморозками

Неугомонный

1

Туман.

Туман подкрадывается как хищник, на мягких рысьих лапах.

Никогда не привыкну к туману, хоть и прожил всю жизнь в Сконе. Сконский туман превращает людей в невидимок.

Было девять часов вечера 11 октября 1993 года.

Туман натянуло с моря. Он спешил домой в Истад, успел проехать Брёсарпские холмы – и уткнулся в белую муть.

Ему сразу стало страшно.

«Я боюсь тумана... Не тумана надо бояться, а того, из Фарнхольмского замка. Дружелюбный, вежливый... а чего стоят его жутковатые подручные! Они все время скромно стоят в отдалении, стараясь, чтобы лица были в тени. Надо не о тумане думать, а о нем, об этом человеке, о том, что я теперь про него знаю, о том, что прячется за его приветливой улыбкой, за его репутацией безупречного гражданина, примера для подражания. Его-то и надо бояться, а не тумана, ползущего с Ханёбуктен. Особенно сейчас, когда я понял, что он в состоянии без малейших колебаний убить человека, вставшего на его пути».

Он включил дворники. Он не любил ездить в темноте – в игре света фар на мокром асфальте почти невозможно заметить то и дело перебегающих дорогу зайцев.

Как-то раз, лет тридцать тому назад, он задавил зайца. Это было весенним вечером, по дороге на Тумелиллу. Он до сих пор помнил, как изо всех сил давил на педаль тормоза, помнил мягкий глухой удар. Он вышел из машины. Заяц лежал чуть позади, судорожно дергая задней лапкой. Тельце зверька было парализовано, глаза его, влажные круглые его глаза неотрывно смотрели на своего убийцу. Он заставил себя найти у обочины камень, зажмурившись, прикончил зайца ударом по голове и, не оглядываясь, пошел к машине.

Эта картина часто возникала перед ним – глаза зайца и ритмично дергающаяся лапка. Он тряхнул головой, пытаюсь отогнать неприятное воспоминание.

Нечего бояться зайцев, задавленных тридцать лет назад. Бояться надо живых, и не зайцев, а людей.

Он поймал себя на том, что все время поглядывает в зеркало заднего вида.

«Я боюсь, – снова подумал он. – Только сейчас я понял, что я – беженец. Я пытаюсь убежать от того, что, как я теперь знаю, скрывается за средневековыми стенами Фарнхольмского замка. Теперь я знаю... и они знают, что я знаю. Но как много я знаю? Достаточно ли, чтобы они всерьез испугались, что я нарушу клятву хранить тайны, данную мной много лет назад, когда я получал диплом адвоката? В те давние времена, когда эта клятва еще имела какое-то значение,

когда она была святой обязанностью любого юриста – никогда не разглашать тайну, доверенную ему клиентом... Есть ли у них опасения, что у старого адвоката пробудится совесть?»

В зеркале отражалась только тьма. Он был один в тумане. Меньше чем через час он будет дома, в Истаде.

Ему стало полегче. Значит, они его не преследуют. Завтра он решит, что ему делать. Прежде всего надо поговорить с сыном, тоже юристом, совладельцем адвокатской фирмы. Всегда можно найти выход, этому он научился за долгие годы практики. Должен найтись выход и сейчас.

Он нащупал в темноте кнопку и включил радио. Мужской голос вещал что-то о новых открытиях в области генетики. Он слушал машинально, слова влетали в одно ухо и вылетали из другого. Он глянул на часы – почти половина десятого. Туман, похоже, еще сгустился, но он все равно старался ехать побыстрее. С каждым километром он удалялся от Фарнхольмского замка и понемногу успокаивался. Может быть, его страхи и напрасны.

Он старался рассуждать логически.

С чего все началось? Записка на письменном столе с просьбой позвонить – срочное дело, юридическая проверка контракта. Имя предпринимателя было ему неизвестно, но он все же позвонил – небольшая адвокатская фирма в маленьком городе не может себе позволить выбирать клиентов. Он до сих пор помнил голос – легкий северный акцент, аристократическая речь... И в то же время непоколебимая уверенность человека, привыкшего ценить свое время. Предприниматель коротко рассказал о контракте – довольно сложная сделка между зарегистрированным на Корсике пароходством и его фирмой, представляющей интересы «Сканска»[1 - «Сканска» – крупнейшая шведская строительная фирма. (Здесь и далее прим. перев.)]. Речь шла о поставках цемента в Саудовскую Аравию. Что-то там он говорил, кажется, о мечетях, которые они собираются строить в Хамис-Мушайте. Или, может быть, речь шла об университете в Еддахе.

Через несколько дней они встретились в отеле «Континенталь» в Истаде. Он пришел тогда пораньше, в ресторане было почти пусто – еще не настало время ланча. Он сел за угловой столик и стал ждать. Наконец предприниматель

появился – в сопровождении мрачного официанта-югослава. Стоял январь, с моря дул сильный ледяной ветер, вот-вот должен был начаться снегопад. Но у человека, подходившего к его столику, на лице был ровный средиземноморский загар... он не вписывался ни в атмосферу Истада, ни в холодный сконский январь. Чужак. Улыбка его как-то не сочеталась с загорелым мужественным лицом. На нем был темно-синий костюм. Ему, по-видимому, не было еще и пятидесяти.

Это была его первая встреча с человеком из Фарнхольмского замка. Человек без привязанностей, совершенно особая планетарная система в темно-синем, по мерке сшитом костюме. Центром этой системы была ослепительная улыбка, вокруг которой, как спутники, медленно вращались две пугающие тени.

Они были уже тогда. Он не помнил точно, представились они или нет – просто тихо уселись за столик неподалеку и так же тихо встали, когда беседа закончилась.

«Золотой век, – с горечью подумал он. – Неужели я был настолько глуп, чтобы в это поверить? Адвокат не имеет права верить в райские кущи, по крайней мере здесь, на земле».

Через полгода человек с южным загаром обеспечил половину оборота всей его конторы, через год его доход увеличился вдвое. Платил новый заказчик исправно, никогда не приходилось ему напоминать. Они даже отремонтировали дом, в котором находилась их контора. Все контракты были вполне законными, хотя и довольно запутанными. Человек из Фарнхольмского замка, казалось, управляет своими делами сразу со всех континентов. Иногда приходили факсы и раздавались телефонные звонки из городов, о которых он никогда даже и не слышал. Он с трудом находил их на большом глобусе, стоящем рядом с кожаным диваном в приемной. Но все было в рамках закона, все поддавалось анализу, пусть иногда и непростому.

«Наступили новые времена», – думал он тогда. Он должен быть бесконечно благодарен, что владелец замка случайно наткнулся на его фамилию в телефонном справочнике.

Размышления внезапно прервались – его словно ударило током. Сначала он решил, что ему показалось. Потом взгляделся в зеркало заднего вида и понял,

что так и есть – позади него маячили автомобильные фары.

Они уже были совсем рядом.

Ему снова стало страшно. Значит, они поехали следом. Испугались, что он нарушит адвокатскую клятву и заговорит.

Первым его поползновением было нажать посильнее на акселератор и скрыться от них в этом белом тумане. Он чувствовал, как пот струится за воротник сорочки. Фары были теперь совсем рядом.

«Тени-убийцы. Мне не удастся от них уйти. И никому не удастся».

В эту секунду машина пошла на обгон. Он успел различить серое лицо водителя. Какой-то старик. Рубиновые габаритные огни быстро исчезли в тумане.

Он вытащил из кармана пиджака носовой платок и вытер лицо и шею.

«Скоро я буду дома, – подумал он. – Все обойдется. Фру Дюнер записала в календаре, что я поехал в Фарнхольм. Никто, даже он, не решится послать своих тенеподобных горилл убить старого адвоката по дороге домой. Это было бы слишком рискованно».

Лишь через два года он начал понемногу догадываться – что-то не так. Он работал тогда над пакетом не особо крупных контрактов, в которых гарантом кредита выступал Экспортный совет. Запасные части турбин для Польши, жатки для Чехословакии... Что-то привлекло его внимание – какие-то мелкие детали, какое-то несовпадение цифр. Он подумал поначалу, что это просто ошибка, просто кто-то перепутал итоговые цифры. Он вернулся к началу и вскоре понял, что это не случайная ошибка – все было сделано сознательно. Все было на месте, все концы сведены с концами, но результат получался чудовищным. Он откинулся на стуле, – он помнил, что это было поздним вечером, – и понял, что напал на след преступления. Сначала он не мог и не хотел в это поверить. Но другого объяснения не было. Человек из Фарнхольмского замка – преступник. Обман Экспортного совета, уход от налогов, целая цепь поддельных документов и актов.

После этого случая он все время искал черные дыры в документах, попадающих ему на стол. И находил – почти всегда. Постепенно он осознал размах преступления. Он не верил своим глазам, пока не убедился окончательно.

И все равно он молчал. Он даже сыну не сказал ни слова.

Может быть, потому, что в глубине души не хотел этому верить? Ведь никто – ни налоговое управление, ни другие ничего не замечали... Может быть, он раскрыл несуществующую тайну?

Или было уже слишком поздно? Его благополучие, само существование адвокатской конторы теперь полностью зависело от человека из Фарнхольма.

Туман, казалось, все сгущался. Возможно, под Истадом будет лучше.

Но так продолжаться больше не может. Он понял теперь, что у хозяина Фарнхольма руки в крови.

Он должен поговорить с сыном. Все-таки пока еще правосудие в Швеции существует, хотя, конечно, оно не такое, как раньше. Правосудие хромает, и он сам приложил к этому руку. Своим молчанием. Но он не может больше молчать.

Покончить жизнь самоубийством? На это он никогда не решится.

Он резко затормозил.

В свете фар что-то мелькнуло. Сначала он решил, что это заяц, но, взглядевшись, понял – что-то стоит на дороге.

Он остановил машину и включил дальний свет.

Посередине дороги стоял стул. Обычный венский стул. А на стуле сидела кукла в человеческий рост. С белым как мел лицом.

Но это мог быть и человек, похожий на куклу.

Сердце забилось. В свете фар плыли клочья тумана.

И стул, и кукла – это было наяву. Как и парализующий страх. Он посмотрел в зеркало – сзади никого не было. Тьма. Он медленно поехал вперед и снова остановился, когда до стула оставалось не более десяти метров.

Это был манекен. Настоящий манекен, не воронье пугало.

«Это предназначено мне», – подумал он.

Трясущейся рукой он выключил радио и прислушался. Все было тихо. Он никак не мог решиться выйти из машины.

Его пугал не стул в тумане и не похожая на привидение кукла. Это было что-то другое, что-то позади него, чего он не видел. Может быть, это был просто-напросто его собственный страх.

«Я боюсь, – снова подумал он. – Я ничего не соображаю от страха».

Наконец он отстегнул ремень и открыл дверцу. Было холодно и сыро.

Он вышел из машины, не отводя глаз от освещенной фарами куклы. «Похоже на театр, – успел он подумать, – сейчас мой выход».

И услышал позади себя какой-то звук.

Но обернуться он не успел – на его затылок обрушился страшный удар.

Он был мертв еще до того, как упал на асфальт.

Туман стал совершенно непроглядным.

Было без семи минут десять.

Дул порывистый северный ветер.

Человек на пустынном промерзшем берегу все время пригибался и то и дело поворачивался к ветру спиной. Он некоторое время стоял совершенно неподвижно, нагнув голову и сунув руки в карманы, потом продолжал свою очевидно бесцельную прогулку, пока не исчезал на сером горизонте.

У женщины, ежедневно гулявшей с собакой, странный обитатель пляжа вызывал все более сильное беспокойство. Он, казалось, проводил на берегу все время с рассвета и до наступления темноты. Он появился здесь несколько недель назад, словно ниоткуда, словно его выбросила на берег волна, как некий обломок человеческого кораблекрушения. Обычно все, кого она встречала на прогулке, кивали ей, но был уже конец октября, поздняя осень, и пляжи были пустынные. Но человек в черном плаще никогда не удостоивал ее кивком или приветствием. Сначала она думала, что он слишком застенчив и оттого невежлив, а может быть, иностранец. Потом ей показалось, что у него случилось большое горе и его блуждания по берегу – не что иное, как попытка приглушить боль. Он двигался как-то странно – иногда медленно, чуть не волоча ноги, потом вдруг вздрагивал и чуть не бежал, словно его подгоняли какие-то навязчивые мысли. Она была уверена, что руки его в карманах плаща сжаты в кулаки – она их не видела, но не сомневалась, что это именно так.

После недели наблюдений ей стало все более или менее ясно. Одиноким человек, приехал неизвестно откуда, пытается справиться с какой-то личной драмой. Она представила корабль, пробирающийся без карт по предательскому фарватеру. Понятно, что ему не хочется ни с кем разговаривать. Она даже рассказала о чужаке своему досрочно ушедшему на пенсию из-за ревматизма мужу. Он, несмотря на постоянные боли в суставах, даже пошел с ней как-то на берег. Он согласился с ее выводами, но поведение чужака показалось ему настолько необычным, что он позвонил своему другу, полицейскому в Скагене[2 - Скаген – город в Дании. Расположен на северной оконечности мыса Юланд, водораздела между проливами Каттегат и Скагеррак.], и рассказал о необычном пришельце. Может быть, это какой-нибудь преступник, скрывающийся от правосудия, или, допустим, опасный сумасшедший, сбежавший из закрытого отделения? Но полицейский, много чего повидавший на своем веку, попросил его успокоиться – мало ли кто ищет приюта на песчаной оконечности Юланда, в

бесконечных, похожих на застывшие волны дюнах. «Оставьте его в покое, – сказал он. – Дюны принадлежат тем, кто в них нуждается».

Женщина с собакой и человек в черном плаще встречались каждый день, не разговаривая, не здороваясь; они расходились, как два корабля. Так продолжалось еще неделю. Но как-то, а говоря точно, 24 октября 1993 года, случилось нечто, имевшее, по ее мнению, самую непосредственную связь с последующим исчезновением чужака.

Это был один из редких безветренных дней, когда туман неподвижно стоял над Скагеном и морем. Где-то вдали то и дело, словно заблудившиеся коровы, мычали ревуны. Природа словно затаила дыхание. Вдруг она увидела человека в черном плаще и остановилась как вкопанная.

Он был не один. Рядом с ним стоял небольшого роста мужчина в светлой непродуваемой куртке и кепке. Она присмотрелась – говорил только приезжий, он словно старался убедить в чем-то своего собеседника. То и дело он вынимал руки из карманов и начинал жестикулировать. Она, конечно, не слышала, о чем они говорят, но что-то в облике приезжего говорило ей, что он сильно взволнован. Через несколько минут они двинулись в путь, и вскоре их поглотил туман.

На следующий день человек в черном плаще снова был один. Но дней через пять он исчез. Почти весь ноябрь она ходила на берег гулять с собакой, ей было интересно, не появится ли вновь загадочный незнакомец. Но он исчез.

* * *

Вот уже больше года старший следователь истадской полиции Курт Валландер был на больничном. Работать он был не в состоянии. У него словно наступил паралич воли. Он не мог да и не хотел что-либо предпринять, чтобы вернуть свою жизнь в нормальную колею. Несколько раз, когда он чувствовал, что не может более оставаться в Истаде, и когда у него были деньги, он предпринимал импульсивные и совершенно беспланные путешествия в тщетной надежде, что ему станет лучше, если он уедет из Сконе. Как-то он купил чартерную путевку на Карибские острова. Уже в самолете он довольно прилично выпил и все две недели, проведенные на Барбадосе, ни разу не был трезвым. Его все более и более охватывало чувство безнадежности, даже паники – в этом мире для него

не было места. Он часами искал уголок, где не было людей, и валялся в тени пальм; а иногда просто не покидал гостиничного номера – не хотел никого видеть. Искупался он всего один раз, и то не по своей воле – поскользнувшись, упал с мостков. Как-то поздно вечером, когда он нехотя вышел из дома, чтобы пополнить запасы спиртного, к нему пристала проститутка. Он попытался отмахнуться от нее, но как-то вяло. В конце концов отчаяние и презрение к самому себе взяли верх, и он провел с ней трое суток в пахнувшей купоросом лачуге, в грязной постели, где тараканы ощупывали своими усам его потное лицо. У него почти ничего не осталось в памяти об этих днях – он не помнил даже имени девушки и не был уверен, что когда-то его знал. Когда она вытянула из него последние деньги, явились два ее здоровенных братца и вышвырнули его на улицу. Он вернулся в гостиницу, несколько дней питался тем, что удавалось вынести с входящего в стоимость путевки завтрака, и вернулся в Стуруп, чувствуя себя еще хуже, чем до поездки. Врач, наблюдавший его, рассердился и категорически запретил подобные развлечения, иначе существует серьезный риск, что он окончательно попадет в зависимость от алкоголя. Но через два месяца он снова пустился во все тяжкие. На этот раз он занял деньги у отца под предлогом того, что собирается купить новую мебель – может быть, это улучшит его настроение. Просить деньги у отца было унижительно, тем более что в последнее время Курт избегал заезжать к нему – отец недавно женился на женщине на тридцать лет моложе его, помогавшей ему по хозяйству. На этот раз вместо мебельного магазина он напрямик направился в истадское бюро путешествий и купил трехнедельный тур в Тайланд. И опять все повторилось, разве что на этот раз, на его счастье, в самолете он познакомился с купившим такой же тур пожилым аптекарем. Тот почему-то проникся к нему симпатией. Они жили в одном и том же отеле, и благоразумному фармацевту кое-как удавалось удерживать Валландера, когда тот начинал неумеренно пить уже за завтраком, а в конце концов, благодаря его вмешательству, Валландера отправили домой за неделю до истечения срока путевки. И в этот раз он, изнемогая от презрения к самому себе, проводил время в обществе проституток, одной моложе другой, а за этим последовала кошмарная зима, когда он был почти уверен, что заразился какой-нибудь смертельной венерической болезнью. Лишь в конце апреля, почти через год, он понял, что на этот раз вышел сухим из воды. Но, как ни странно, ни радости, ни облегчения он не почувствовал – ему было все равно. Именно в это время его врач начал всерьез задумываться, сможет ли Валландер когда-либо вернуться к работе в полиции. И не только в полиции – вообще к какой-нибудь работе. По его мнению, Курту следовало уйти на пенсию по болезни.

Тогда Валландер в первый раз уехал, а вернее сказать, сбежал в Скаген. Он прекратил пить, что ему вряд ли удалось бы, если бы не его дочь Линда, вернувшаяся из Италии. Увидев грязную и запущенную квартиру, она быстро сообразила, в каком состоянии Валландер, и среагировала именно так, как и должна была среагировать: вылила в унитаз все содержимое найденных ею бутылок и наорала на отца. Две недели она прожила у него на Мариагатан. Наконец-то ему было с кем поговорить. Долгими вечерами они говорили о том, что его мучает, вместе им кое-как удалось вскрыть наиболее мучительные душевные нарывы, и, уезжая, она поверила, что он отныне постарается не пить. Он опять остался один, и тут ему на глаза попало газетное объявление – предлагали отдых в одном из недорогих пансионатов в Скагене.

Много лет назад, когда Линде было всего несколько месяцев, они с женой Моной ездили в Скаген. Эти недели запомнились ему как самые счастливые в его жизни. У них почти не было денег, они жили в драной палатке, но их переполняло чувство, что они находятся в самом центре мироздания... Он позвонил и заказал комнату. В начале мая он приехал в Скаген. Владелица, пожилая вдова-полька, не приставала к нему с вопросами. Он взял напрокат велосипед и каждое утро, положив на багажник пакет с бутербродами, уезжал на бесконечный пляж в Гренене и возвращался лишь поздно вечером. В пансионате жили в основном пожилые люди, одинокие и пары, так что тишина была как в читальном зале. К нему вернулся сон, и он с облегчением чувствовал, как его полуспаленные алкоголем внутренние органы начинают понемногу приходить в норму.

Из пансионата в Скагене он написал три письма. Первое – сестре Кристине. Она за последний год часто звонила ему – беспокоилась, как он себя чувствует. И, хотя его трогала ее забота, он не мог найти в себе силы ответить ей или хотя бы позвонить. К тому же Валландера смущало, что он, – это-то он помнил точно, – послал ей с Карибских островов, будучи в состоянии сильного подпития, какую-то открытку – то, что написал, было несомненно, а вот что именно написал, вспомнить он не мог. Она ни одним словом не обмолвилась об этой открытке, а он не спрашивал, надеясь, что был настолько пьян, что, может быть, написал неверный адрес или просто-напросто забыл наклеить марку. Но в эти дни в Скагене он решил написать ей обо всем подробно. Несколько вечеров подряд он сочинял ей письмо, лежа в постели и используя в качестве пюпитра свой портфель. Он попытался описать то состояние пустоты, стыда и вины, которое он испытал после того, как год назад убил человека. И хотя это была очевидная самооборона, хотя ни один человек, даже ни один из журналистов, известных своей ненавистью к полиции, ни словом его не упрекнул, он сознавал, что этот

комплекс вины ему не удастся преодолеть никогда. Оставалась только слабая надежда, что удастся как-то заглушить его, научиться с ним жить.

«У меня такое чувство, что часть моей души заменили на протез, – писал он, – и этот протез пока меня не слушается. Иногда, в тяжелые минуты, мне кажется, что я так и не сумею им пользоваться. Но надежда пока есть».

Второе письмо было адресовано сослуживцам, и только тогда, когда он опустил его в красный почтовый ящик около почты в Скагене, он понял, как много в нем неправды. И все равно, он должен был его написать. Он выразил признательность за подарок, преподнесенный прошлым летом, – коллеги скинулись и купили ему хороший музыкальный центр, – и попросил извинения, что до сих пор их не поблагодарил. Это все было совершенно искренне, но то, что он закончил письмо сообщением, что он поправляется и скоро, возможно, выйдет на работу, было скорее заклинанием, чем правдой, потому что в действительности все было как раз наоборот.

Третье письмо он написал в Ригу Байбе. За прошедший страшный год он писал ей примерно раз в два месяца, и каждый раз она отвечала подробным и теплым письмом. Он начал воспринимать ее как своего ангела-хранителя, и из страха спугнуть ее, из страха, что она перестанет ему отвечать, он ничего не писал о том, какие чувства он к ней испытывает. Или по крайней мере думает, что испытывает. Он теперь уже ни в чем не был уверен. Он перестал верить в себя. В те короткие мгновения, когда ему казалось, что он способен мыслить трезво и ясно, чаще всего это бывало на берегу, когда он прятался от колючего ветра между дюнами, в такие мгновения ему казалось, что ничто уже не имеет смысла. Он виделся с Байбой всего несколько дней в Риге, она оплакивала своего убитого мужа, капитана латвийской полиции Карлиса, и чего бы ей ни с того ни с сего влюбиться в шведского полицейского, который всего-то и делал, что выполнял свой долг, хотя и довольно нетрадиционными методами? Но он гнал от себя эти мысли, он боялся ее потерять, хотя в глубине души прекрасно понимал, что это по меньшей мере странно: как можно потерять то, чего никогда и не имел? Мечта о Байбе, возможно, и удерживала его. Он почему-то считал себя обязанным защищать этот бастион до последнего, хотя эта мечта, скорее всего, была иллюзией.

Он прожил в пансионате десять дней, но, приехав в Истад, решил вернуться туда как можно скорей. Уже в середине июля он снова приехал в Скаген. Вдова-полька ждала его, он снял ту же самую комнату, опять взял велосипед и целыми

днями пропадал на берегу. В отличие от предыдущего раза, на пляже было множество курортников, и ему иной раз казалось, что он чужой среди этих хохочущих, плещущихся в воде и играющих в мяч людей; он бродит меж ними, словно невидимая тень. Он словно создал свой собственный полицейский округ на Гренене, там, где встречаются два моря, и нес службу, присматриваясь к самому себе и пытаясь найти выход из душевного тупика. После первой поездки в Скаген его доктор констатировал определенное улучшение, но пока еще положительные симптомы были очень и очень зыбкими, чтобы можно было надеяться на полное выздоровление. Валландер спросил, нельзя ли ему прекратить принимать препараты, которые он принимал весь этот год, поскольку они вызывали у него усталость и чувство тяжести во всем теле, но врач сказал, что пока еще говорить об этом рано.

Каждое утро, просыпаясь, он спрашивал себя, хватит ли и сегодня у него сил подняться. В пансионате он вроде бы чувствовал себя получше, иногда, как ему казалось, его посещали мгновения невесомости, облегчения, он словно забывал о событиях, произошедших год назад, и это давало ему некоторую надежду.

Бродя часами по берегу, он старался разобраться в прошлом, пытался понять, как примириться с самим собой и найти путь к возвращению, чтобы снова стать даже не полицейским, а просто обычным, нормальным человеком.

Именно тогда он вдруг потерял вкус к опере. Обычно он брал с собой на берег переносной магнитофон. Но в один прекрасный день он понял, что больше не может. Вернувшись в пансионат, он сложил все до единой кассеты с оперной музыкой в чемодан. В этот же день он на велосипеде съездил в Скаген и купил кассет с какой-то совершенно не известной ему попсой, и его удивило, что он даже не вспоминал о музыке, сопровождавшей его всю жизнь.

«У меня в душе просто нет места для музыки, – подумал он тогда. – Сердце мое переполнено ужасом и может разорваться в любой момент».

В середине октября он опять приехал в Скаген. На этот раз твердо намереваясь раз и навсегда решить для себя, как он будет жить дальше. Врач его теперь уже вполне определенно заявил, что он на правильном пути, что он постепенно выходит из депрессии, и посоветовал ему еще раз съездить в Скаген – отдых там, по его мнению, приносил Валландеру несомненную пользу. Мало того, он, стараясь не нарушать врачебную тайну, по своей инициативе поговорил с начальником полиции Бьорком и дал ему понять, что появилась надежда на то,

что Валландер сможет вернуться на службу.

Итак, он вернулся в Скаген и возобновил свои бесконечные прогулки. Осенью на бесконечных пляжах почти никого не было – разве что иногда встретится пара пенсионеров, или одинокий бегун, или выгуливающая собаку любопытная дама. Опять он часами бродил вдоль почти незаметной, все время меняющейся границы между песком и морем, и шаги его становились все более и более решительными.

Через несколько лет ему стукнет пятьдесят. За последний год он сильно похудел. Он вытащил из шкафа одежду, купленную семь-восемь лет назад, – она снова была ему впору. Теперь, когда он не брал в рот спиртного, его физическая форма была лучше, чем когда-либо, во всяком случае, лучше, чем в последние годы службы. Это в какой-то степени ободряло его, внушало надежды на будущее. Если ничего непредвиденного не случится, он проживет еще как минимум двадцать лет. Более всего мучил его вопрос, что делать дальше – вернуться в полицию или заняться чем-то другим? Он даже думать не хотел о том, чтобы уйти на пенсию по болезни. Он почему-то был уверен, что не вынесет такого существования... Пляжи почти все время были окутаны туманом, иногда, правда, выпадали солнечные, хотя и холодные, дни. В эти редкие часы небо было голубым и высоким, море сверкало под лучами солнца, и над водой в восходящих потоках воздуха парили чайки. Он напоминал себе заводную игрушку с потерянным ключиком и чувствовал, что сам не в состоянии завести пружину. Он взвешивал различные возможности – что он будет делать, если придется оставить службу в полиции? Устроится на каком-то предприятии заместителем начальника службы безопасности? Что еще? Его опыт выслеживания и ловли преступников вряд ли пригодится в обычной жизни. Кому нужен бывший полицейский, только и умеющий что решать более или менее сложные следственные задачи?

Проголодавшись, он находил защищенное от ветра место между дюнами, вынимал пакет с бутербродами, термос с кофе и, постелив пластиковый пакет, садился на холодный песок. За едой он старался не думать о будущем, но это у него не особенно получалось: все время доносили какие-то совершенно нереальные мечты и планы.

Ему, как и почти каждому полицейскому, приходили в голову шальные мысли – а не посвятить ли себя деятельности диаметрально противоположной, не пойти ли в преступники? Его, кстати, всегда удивляло, почему полицейские, вставшие

на путь преступления, совершенно не пользовались своими знаниями о методах и приемах следствия и быстро попадались. Но он с отвращением прогонял эти мысли. Еще меньше ему хотелось походить на своего сотрудника Ханссона, который с энтузиазмом, скорее напоминая одержимость, играл на бегах, причем почти никогда не выигрывал.

Поев, он продолжал свои блуждания. Его мысли, как он себе представлял, имели форму треугольника, вершиной которого был один-единственный вопрос: должен ли он вернуться на работу? Вернуться, попытаться прогнать мысли о случившемся, научиться жить с этими воспоминаниями. И это, пожалуй, был единственный разумный выбор – продолжать заниматься тем, чем он занимался всю жизнь. И не забывать, что именно работа подарила ему мгновения наибольшего удовлетворения, осознание высокого смысла своего труда – охранять покой людей.

Через неделю, когда осень уже постепенно склонялась к зиме, он понял, что вернуться в полицию ему не по силам. Его карьера полицейского закончена. Ему никогда не преодолеть чувство вины и стыда; то, что произошло годом раньше, изменило его навсегда.

Он принял это решение уже ближе к вечеру. Было еще светло, но над Грененом лежал густой туман. Все аргументы «за» и «против» были исчерпаны. По возвращении он поговорит со своим врачом и с Бьорком. На службу он не вернется.

Странно, но в глубине души он почувствовал облегчение. Теперь он знал. Человек, убитый им в прошлом году в поле, где в темноте бродили невидимые овцы, все-таки отомстил ему.

В этот же вечер он сел на велосипед, поехал в Скаген и напился до чертиков в маленьком прокуренном ресторане, где посетителей почти не было, но музыка гремела, как на дискотеке. Впрочем, он знал твердо, что он не уйдет в запой, что уже завтра в рот не возьмет спиртного, что этот вечер для него – всего лишь способ поставить крест на своей полицейской карьере, подтвердить грустный вывод, к которому он пришел во время своих одиноких прогулок.

Возвращаясь домой, он свалился с велосипеда и сильно поцарапал щеку. Хозяйка пансионата еще не легла – беспокоилась, что его так долго нет. Не

слушая протестов, она промыла ему щеку, забрала в стирку испачканную одежду и помогла вставить ключ в замок его комнаты.

– Вечером приходил какой-то мужчина и спрашивал господина Валландера, – сказала она уходя.

Он тупо уставился на нее.

– Никто меня не спрашивал, – пробормотал он. – Никто и не знает, что я здесь.

– А этот господин спрашивал. Ему очень нужно с вами повидаться.

– А фамилию он назвал?

– Нет. Но он швед.

Валландер помотал головой и тут же забыл о ее словах. Он никого не хотел видеть, и никто не хотел видеть его. В этом он был совершенно уверен.

На следующий день его мучили похмельные угрызения совести. Он уехал на берег, начисто забыв о том, что сказала ему накануне хозяйка. Как обычно, на побережье лежал густой туман. Он чувствовал себя очень и очень скверно и впервые за все это время ему пришла в голову мысль: а что он, собственно, делает здесь, на берегу? Через пару километров Валландер настолько устал, что слез с велосипеда и сел на перевернутую шлюпку, наполовину ушедшую в песок.

И тут он увидел, что к нему кто-то приближается.

Словно бы некто непрошенный вломился в его песчаный кабинет.

Сначала он не понял, кто это – какой-то мужчина в ветровке и кепке, которая, похоже, была ему мала. Потом человек показался Валландеру смутно знакомым, но по-настоящему он узнал его только тогда, когда тот подошел совсем близко и Валландер встал ему навстречу. Они поздоровались. Валландер с трудом скрыл удивление – откуда он узнал, где я нахожусь? Он попытался вспомнить, когда же он последний раз встречался со Стеном Торстенссоном. Кажется, в прошлом году, при обсуждении какого-то постановления о задержании.

– Я тебя вчера искал в пансионате, – сказал Стен Торстенссон, – неудобно беспокоить, но мне очень надо с тобой поговорить.

«Когда-то я был полицейским, а он – адвокатом, – подумал Валландер. – Мы сидели по разные стороны стола, он защищал преступника, но мы почти никогда не конфликтовали. Ближе мы познакомились, когда он был моим адвокатом в тот невыносимый период развода с Моной. Мы поняли тогда, что между нами возникло что-то похожее на дружбу. Дружба чаще всего возникает, когда никто не надеется на чудо со стороны другого, но сама по себе дружба и есть чудо. Этому жизнь меня научила. Я помню, он пригласил меня пойти под парусом, это было как раз в тот день, когда было вынесено окончательное решение о разводе. Ветер дул как из трубы, я тогда, помню, зарекся когда-нибудь еще сесть на яхту. После этого мы стали встречаться, не часто, но все же довольно регулярно. И теперь он меня зачем-то разыскал».

– Мне сказали, что меня кто-то спрашивал, – сказал Валландер. – Как ты, черт возьми, меня разыскал?

Он даже не дал себе труда скрыть неудовольствие.

– Ты меня знаешь, – сказал Стен Торстенссон. – Я не из тех, кто навязывается и мешает. Моя секретарша говорит, что я сплошь и рядом боюсь помешать самому себе, не знаю, что она при этом имеет в виду. Я позвонил твоей сестре в Стокгольм. Вернее сказать, сначала я нашел твоего отца, а он дал мне ее телефон. Она знала, что ты в пансионате в Скагене, и сказала, как он называется. Вот я и приехал. Ночевал в отеле рядом с художественным музеем.

Они повернулись спиной к ветру и пошли вдоль берега. Женщина с собакой, попадавшаяся ему почти каждый день, остановилась и посмотрела им вслед. «Ей до смерти любопытно, кто это ко мне приехал», – подумал Валландер. Они шли молча. Валландер ждал, когда Торстенссон начнет, и вдруг поймал себя на мысли, что совершенно отвлек от того, что кто-то идет рядом.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал Стен Торстенссон, – как друга и как полицейского.

– Как друга – да, – сказал Валландер, – если только я смогу тебе ее оказать. Но не как полицейского.

– Я знаю, что ты на больничном.

– Я не просто на больничном. Ты, кстати, первый, кому я говорю, что уйду из полиции.

Стен Торстенссон остановился как вкопанный.

– Так уж сложилось, – сказал Валландер. – Давай, рассказывай, что тебя сюда привело.

– Мой отец погиб.

Валландер знал отца Стена. Тот тоже был адвокатом, но почти никогда не выступал в уголовном суде – в основном консультировал предпринимателей. Сколько же ему было лет? Около семидесяти, что ж, возраст почтенный. Многие в его годы уже заканчивают земное существование.

– Он погиб несколько недель назад в автомобильной катастрофе. К югу от Брёсарпских холмов.

– Прими мои соболезнования, – сказал Валландер. – А что случилось?

– Именно поэтому я и приехал.

Валландер с интересом посмотрел на него.

– Холодно, – сказал Торстенссон. – Поехали в музей, выпьем кофе. Я на машине.

Валландер кивнул. Они сунули велосипед в багажник и поехали вдоль песчаных пляжей. Заднее колесо велосипеда торчало наружу. В кафе музея в такой ранний час людей почти не было. Девушка за стойкой мурлыкала какую-то мелодию, и Валландер, к своему удивлению, узнал ее – эта песня была на одной из купленных им недавно кассет.

– Был вечер, – сказал Стен Торстенссон, – точнее, вечер одиннадцатого октября. Папа был у одного из своих самых крупных клиентов. Полиция утверждает, что он превысил скорость и не справился с управлением. Машина перевернулась, и он погиб.

– Такое случается, – сказал Валландер сочувственно. – На одну секунду ослабил внимание – и все.

– В тот вечер был густой туман, – сказал Стен. – И мой отец никогда, ни разу в жизни и ни при какой погоде не превышал скорость. Почему вдруг ему понадобилось превышать скорость в сплошном тумане? Он ездил медленно и осторожно, почему-то страшно боялся задавить зайца.

Валландер внимательно посмотрел на него:

– Ты что-то недоговариваешь.

– Следствием занимался Мартинссон, – сказал Стен Торстенссон.

– Очень хороший следователь. Если он пришел к выводу, что все так и было, у тебя нет причин ему не верить.

Стен Торстенссон внимательно посмотрел на Валландера:

– Я ни на секунду не сомневаюсь в профессиональных качествах Мартинссона, как и в том, что отца нашли в машине мертвым – в перевернутой, искореженной машине на лугу. Но очень многое не сходится. Там что-то случилось.

– Что?

– Что-то еще, не просто авария.

– Что, например?

– Не знаю.

Валландер встал, чтобы налить себе еще кофе.

«Почему не сказать как есть? – подумал он. – Да, Мартинссон очень хороший следователь, он изобретателен и энергичен, но часто небрежен».

– Я внимательно прочитал материалы расследования, – сказал Стен, когда Валландер вернулся с чашкой в руке. – Я был на месте происшествия, читал протокол вскрытия, говорил с Мартинссоном. Я все обдумал, и вот я здесь.

– Что я могу сделать? – спросил Валландер. – Тебе, как адвокату, прекрасно известно, что в каждом следствии есть дыры, которые так и не удается залатать. Твой отец был один в машине, и, если я тебя правильно понял, свидетелей нет. То есть никого, кто мог бы со стопроцентной гарантией описать, что произошло с твоим отцом.

– Что-то случилось, – с той же задумчивой интонацией сказал Стен Торстенссон. – Что-то не сходится, и я хочу знать, что.

– К сожалению, не могу тебе помочь. Даже если бы и хотел.

Но Стен его словно бы и не слышал.

– Ключи, – сказал он, – только один пример – ключи. Ключей в замке не было, они лежали на полу.

– Ключи могли выскочить, – возразил Валландер. – При такой аварии может произойти все что угодно.

– Замок зажигания не поврежден. Ни один из ключей даже не погнут.

– Наверняка этому есть объяснение.

– Я мог бы привести и больше примеров, – заключил Стен, – но и так понятно: что-то случилось. Папа погиб в автокатастрофе, которая была не автокатастрофой, а чем-то иным.

Валландер задумался.

– Может быть, он покончил с собой? – спросил он наконец.

– Я думал о такой возможности, но отверг ее полностью. Надо было знать моего отца.

– Большинство самоубийств неожиданны, – заметил Валландер. – Но тебе, конечно, лучше знать.

– К тому же, – медленно произнес Стен Торстенссон, – есть еще одна причина, почему я не могу поверить в версию с аварией.

Валландер внимательно смотрел на него, ожидая продолжения.

– Отец был веселым и открытым человеком. Если бы я не знал его так хорошо, я бы не обратил внимания на произошедшие с ним в последние полгода изменения. Другим они, может быть, и не были заметны, но я-то видел их совершенно ясно.

– А ты можешь описать это поточнее?

Стен Торстенссон покачал головой:

– Не думаю. Просто я чувствовал, что его что-то тревожит. Причем он тщательно это скрывал, старался, чтобы я не заметил.

– И вы никогда на эту тему не говорили?

– Нет.

Валландер отодвинул пустую чашку.

– Мне очень жаль, но я ничем не могу тебе помочь, – сказал он. – Как твой друг, я всегда охотно тебя выслушаю. Но полицейского комиссара Валландера больше не существует. Мне даже не льстит, что ты притащился сюда, чтобы со мной поговорить. Я ничего не чувствую, кроме усталости.

Стен Торстенссон открыл было рот, чтобы что-то сказать, но раздумал.

Они встали.

– Что я могу на это возразить? – сказал Стен, когда они уже вышли из музея. – Если ты так решил, это твое право.

Валландер проводил его до машины и вытащил из багажника велосипед.

– Мы никогда не научимся побеждать смерть, – сказал он, неуклюже пытаюсь проявить сочувствие.

– А я этого и не требую, – ответил Стен Торстенссон. – Я просто хочу знать, что произошло. Это была не автокатастрофа.

– Поговори еще раз с Мартинссоном. Можешь ему сказать, что это я тебе посоветовал вновь к нему обратиться.

Они попрощались. Валландер долго следил за удаляющейся машиной, пока та окончательно не скрылась за песчаными дюнами.

Почему-то ему надо было спешить. Он не мог уже оттягивать. Тем же вечером он позвонил своему врачу и Бьорку и сообщил, что уходит из полиции.

После этого он еще пять дней прожил в Скагене. Чувство опустошенности не уменьшилось, но он теперь с облегчением сознавал, что все-таки сумел принять решение.

В воскресенье 31 октября он вернулся в Истад, чтобы завершить все формальности и подписать документ, свидетельствующий, что Курт Валландер больше не является сотрудником полиции.

Утром в понедельник 1 ноября будильник прозвонил в начале седьмого. Но он мог бы и не звонить: Валландер не спал всю ночь, если не считать того, что пару раз на несколько минут проваливался в дремоту. Он несколько раз вставал и думал, стоя у окна, выходящего на Мариагатан, что уже который раз в жизни принимает совершенно неправильное решение. Почему он не может жить

естественно, как все остальные? Ответа на этот вопрос он так и не нашел. Наконец он уселся в кресло в гостиной, включил радио и, уменьшив звук, стал слушать музыку. Ближе к утру ему удалось себя убедить, что другого выхода нет: у него не было ни сил, ни желания бороться, он понимал это совершенно ясно. «Что ж, – думал Курт, – наверное, каждому суждено испытать в жизни такой момент. Невидимые силы подтачивают нас всех, и в конце концов мы сдаемся. И никто не может этого избежать».

Несмотря на бессонную ночь, он встал точно по звонку будильника, поднял с пола в прихожей «Истадскую смесь», поставил кофе и принял душ. Все эти механические, годами отработанные действия казались почему-то непривычными. Вытираясь, он попытался вспомнить, каким же был его последний день на службе почти полтора года назад. Было лето... он навел порядок в своем кабинете и пошел в кафе на берегу, где написал мрачное письмо Байбе. Если бы его спросили, давно это было или недавно, он бы не знал, что ответить.

Он присел к кухонному столу и начал задумчиво помешивать ложечкой кофе.

Это был его предпоследний рабочий день.

Сегодня – последний.

Он прослужил в полиции двадцать пять лет. И эти двадцать пять лет всегда будут фундаментом его жизни, точкой отсчета, что бы с ним ни случилось. От этого никуда не уйти. Никто не может объявить свою жизнь несостоявшейся и попросить разрешения бросить кости еще раз. Назад пути нет. А вперед?

Он попытался определить, какое же чувство преобладает этим осенним утром – грусть? Разочарование? Облегчение? Но он, похоже, не испытывал ничего, кроме опустошенности. Словно скагенский туман вытеснил из его души все чувства, и сколько он ни вглядывался, не видел ничего, кроме этого тумана.

Он вздохнул и начал машинально листать «Истадскую смесь». Ему казалось, что и заголовки, и тексты, и фотографии он уже видел много раз. Он хотел уже закрыть газету, как вдруг его внимание привлекло объявление о смерти.

Адвокат Стен Торстенссон, родился 3 марта 1947 года, скончался 26 октября 1993 года.

Валландер тупо уставился на объявление.

Это же отец, Густав Торстенссон, скончался! Он же видел Стена меньше чем неделю назад на скагенском пляже!

Он попытался сосредоточиться. Это конечно же ошибка. Перепутали имена. Или какой-то еще Стен Торстенссон. Он перечитал объявление еще раз – нет, никакой ошибки. Тот самый Стен Торстенссон, с которым он недавно разговаривал в Скагене. Скончался.

Он довольно долго сидел, не двигаясь.

Потом встал, открыл записную книжку и набрал уже почти забытый номер. Он знал, что тот, кому он звонит, встает рано.

– Мартинссон!

Валландер с трудом поборол желание бросить трубку.

– Это Курт, – тихо сказал он. – Я тебя не разбудил?

Мартинссон ответил не сразу.

– Это и правда ты? – сказал он наконец. – Никак не ожидал.

– Ясное дело, – сказал Валландер. – Я хочу тебя кое о чем спросить.

– Не может быть, чтобы ты решил уйти.

– Так и есть. Но я звоню по другому поводу. Скажи, что случилось с адвокатом Стеном Торстенссоном?

– А ты разве не знаешь?

– Я вернулся в Истад вчера вечером. Конечно, не знаю. Я ничего не знаю.

Мартинссон замялся:

– Его убили.

Валландер поймал себя на том, что не удивился. Прочитав объявление, он сразу понял, что Стен Торстенссон умер не от внезапной болезни.

– Во вторник вечером его застрелили в конторе. Понять ничего нельзя. Ужасная трагедия. Отец погиб несколько недель назад в автокатастрофе. Ты этого тоже не знал?

– Нет, – соврал Валландер.

– Выходи на работу, – сказал Мартинссон. – Нам без тебя будет трудно с этим делом. И с другими тоже.

– Нет. Я уже решил. Объясню, когда увидимся. Истад маленький город, рано или поздно встретимся.

И быстро повесил трубку, потому что, сказав это, он понял, что все изменилось.

Он стоял в прихожей около телефона минут пять, не меньше. Потом допил кофе, оделся и спустился к машине. В половине восьмого Курт Валландер впервые за полтора года переступил порог здания полиции. Он кивнул дежурному и твердым шагом проследовал в кабинет Бьорка. Бьорк поднялся ему навстречу. Он похудел. Валландер видел, что Бьорк не знает, как себя вести.

«Я облегчу ему задачу, – подумал Валландер. – Но он, конечно, сразу ничего не поймет. Во всяком случае, не больше, чем я сам».

– Мы, понятно, очень рады, что ты чувствуешь себя лучше, – сказал Бьорк неуверенно. – И, само собой, очень хотели бы, чтобы ты остался с нами.

Он развел руками:

– Мне сегодня надо ответить на запрос – что я думаю о введении новой формы. А также на абсолютно непонятный циркуляр об изменении разделения обязанностей в региональной полиции. Ты об этом что-нибудь слышал?

Валландер отрицательно покачал головой.

– Куда мы идем? – горестно произнес Бьорк. – Если предложение о новой форме пройдет, полицейский будет выглядеть как нечто среднее между плотником и кондуктором.

Он явно ждал, что Валландер разделит его возмущение, но Валландер молчал.

– В шестидесятые годы полиция стала государственной, – сказал Бьорк. – Теперь опять все собираются переделать. Риксдаг хочет ликвидировать региональные полицейские управления и создать нечто под громким названием «национальная полиция». Но полиция и так национальная, какая же еще? Законы для всех общие, теперь же не средние века, когда каждое графство имело свои законы. И как вообще можно работать, когда тебя каждый день заваливают памятками и циркулярами, в которых сам черт ногу сломит? К тому же мне приказано подготовить доклад для какой-то никому не нужной конференции на тему «Техника удаления». В переводе на шведский это значит, что речь идет о том, как высылать из страны лиц, не получивших вид на жительство. Как их сажать в автобусы, пароходы и самолеты, чтобы не было шума и сопротивления.

– Я понимаю, как тебе достается, – сказал Валландер и подумал, что Бьорк не изменился. Ему всегда с трудом давалась роль начальника полиции.

– Может быть, это ты и понимаешь, – сказал Бьорк, – но ты не понимаешь, как нам сейчас нужен каждый толковый работник.

Он тяжело опустился на стул.

– Все бумаги у меня, – продолжил он. – Тебе достаточно поставить подпись, и ты уже бывший полицейский. Как это мне ни тяжело, я должен уважать твое решение. Надеюсь, ты не против, если я созову в девять пресс-конференцию. Ты за последние годы стал знаменитостью, Курт. Должен признаться, что, несмотря на все твои выкрутасы, ты сделал очень много, чтобы поддержать нашу

репутацию. Говорят, что в Школе полиции есть курсанты, которых твои подвиги вдохновили на работу в полиции.

– Это, разумеется, неправда, – сказал Валландер. – А пресс-конференцию отмени.

– Даже не заикайся, – Бьорк не мог скрыть раздражения, – это твоя обязанность по отношению к коллегам. О тебе будет статья в «Шведской полиции».

Валландер подошел к столу.

– Я не ухожу, – сказал он. – Я снова приступаю к работе.

Бьорк оторопело уставился на него.

– И никакой пресс-конференции не будет. Я сегодня же начинаю работать. Позвоню врачу и закрою больничный лист. Я чувствую себя хорошо и хочу приступить к работе.

– Ты меня не разыгрываешь? – неуверенно спросил Бьорк.

– Нисколько. Произошли кое-какие события, и я передумал.

– Никак не ожидал.

– Я сам не ожидал. Час назад я был уверен, что моя полицейская карьера завершена. Но у меня есть просьба.

Бьорк выжидательно кивнул.

– Я хочу заняться делом Стена Торстенссона. Кто сейчас руководит следствием?

– Все подключены. Сведберг и Мартинссон формируют следственную группу, я им помогаю. Пер Окесон берет на себя прокурорский надзор.

– Стен Торстенссон был моим другом, – сказал Валландер.

Бьорк встал:

- Ты и в самом деле передумал?

- Я же сказал.

Бьорк обошел стол и остановился рядом с Валландером.

- Самая лучшая новость за... не знаю даже, за сколько лет, - сказал он. - Значит, мы рвем к чертовой матери эти бумаги. Представляю, как обалдеют твои сотрудники.

- Кто сидит в моем кабинете? - спросил Валландер, стараясь избежать лишних эмоций.

- Ханссон.

- Если можно, я бы хотел получить его назад.

- О чем речь! Тем более Ханссон эту неделю на повышении квалификации в Хальмстаде. Можешь идти туда прямо сейчас.

Они дошли по коридору до дверей его кабинета. Таблички с именем «Валландер» на двери не было. Это неприятно резануло его.

- Мне нужно часок побыть одному, - сказал Валландер.

- В половине девятого оперативка по делу Торстенссона. В малой совещательной комнате. Так ты серьезно возвращаешься?

- А почему бы нет?

Бьорк помялся:

– Надо сказать, что твои действия выглядят, мягко говоря, не очень продуманными. Ты как капризный ребенок.

– Не забудь отменить пресс-конференцию, – сказал Валландер.

Бьорк пожал ему руку:

– Добро пожаловать!

– Спасибо.

Валландер закрыл за собой дверь и огляделся. Стол другой, видимо, Ханссон притащил свой. Но стул тот же, его стул.

Он снял куртку и сел.

Тот же запах. То же моющее средство, тот же сухой воздух, тот же слабый аромат несчетного количества поглощенного в этой комнате кофе.

Он довольно долго сидел неподвижно.

Больше года он мучительно пытался разобраться в самом себе и определить свое будущее. Медленно, очень медленно созревало решение – как ему казалось, зрелое и продуманное. А утром он открыл газету, и все изменилось.

Первый раз за очень долгое время он чувствовал себя по-настоящему хорошо.

Теперь наконец он принял настоящее решение. Правильное или неправильное – время покажет. Да это и не так важно.

Он достал блокнот и написал всего два слова.

Стен Торстенссон.

Он снова приступил к работе.

В половине десятого, когда все собрались в комнате для совещаний и Бьорк закрыл дверь, у Валландера появилось странное чувство, что он никогда и не оставлял службу. Их словно бы и не было, этих полутора лет. Он как будто очнулся после глубокого сна, а во сне времени не существует.

Много раз собирались они за этим овальным столом. Поскольку Бьорк не сказал еще ни слова, все, как догадывался Валландер, ждут от него короткой речи и благодарности за годы совместной работы. Потом он покинет комнату, а они вновь углубятся в свои записи и документы – следствие об убийстве Стена Торстенссона шло своим чередом.

Валландер машинально сел на свое обычное место, слева от Бьорка. Рядом с ним стул пустовал, словно никто не хотел сидеть рядом с бывшим товарищем по работе. Напротив сидел Мартинссон и звучно сморкался. Валландер попробовал вспомнить хотя бы один день, когда у Мартинссона не было насморка. Рядом с Мартинссоном сидел, покачиваясь на стуле, Сведберг и глубокомысленно почесывал ручкой лысину.

Все было бы как всегда, если бы не женщина в джинсах и голубой блузке на противоположном конце стола. Он никогда с ней не встречался, хотя и знал, кто она и как ее зовут. Два года назад начались разговоры об укреплении следственной группы истадской полиции, и тогда впервые прозвучало имя Анн Бритт Хёглунд. Она была молода, всего три года как окончила Высшую полицейскую школу, но уже обратила на себя внимание. По окончании она, одна из двух, была отмечена премией за образцовую учебу, ее ставили всем в пример. Она была родом из Сварте, но выросла под Стокгольмом. У нее было много предложений из разных округов, но она предпочла вернуться в родные края.

Валландер посмотрел на нее, и взгляды их встретились. Она еле заметно улыбнулась.

«Ничего подобного, – подумал он, – никогда уже не будет все как всегда. Все меняется, когда среди нас женщина».

Его мысли прервал Бьорк – он встал и приготовился говорить. Валландер заметил, что Бьорк нервничает... Может быть, я опоздал, мелькнула шальная мысль. Может быть, приказ об отставке уже подписан, и ничего нельзя вернуть?

– Понедельник – день тяжелый, – сказал Бьорк, – тем более что на нас висит зверское и необъяснимое убийство нашего коллеги, адвоката Торстенссона. Но есть и хорошие новости. Курт сказал, что выздоровел и приступает к работе уже сегодня. Добро пожаловать, Курт! И я уверен, что все, кто здесь сидит, рады твоему возвращению. И даже Анн Бритт, с которой ты еще не встречался.

В комнате повисло молчание. Мартинссон недоверчиво уставился на Бьорка. Сведберг наклонил голову, как собака, и разглядывал Валландера, ничего не понимая. Анн Бритт, похоже, тоже не поняла, что сказал Бьорк.

Валландер почувствовал, что ему тоже надо что-то сказать.

– Так оно и есть. Я приступаю к работе.

Сведберг перестал качаться на стуле и припечатал обе ладони к столу.

– Замечательно, Курт! Ты и не уходил никуда – здесь без тебя ни одного дня не прошло!

Все засмеялись и встали со своих мест, чтобы пожать ему руку. Бьорк тут же заказал венские хлебцы к кофе, и Валландер с трудом скрывал, насколько он тронут.

Через несколько минут возбуждение улеглось. Времени на изъяснение личных чувств просто-напросто не было, чему Валландер, по правде говоря, был рад. Он открыл свой блокнот – на первой странице стояло одно-единственное имя: Стен Торстенссон.

– Курт попросил, чтобы его без лишних формальностей ввели в ход дела. Что мы сейчас и сделаем. Начнем с того, что попробуем разобраться, где мы находимся... а с деталями он ознакомится по ходу расследования.

Бьорк кивнул Мартинссону – по-видимому, тот руководил следствием.

– Никак не могу прийти в себя, – сказал Мартинссон, копаясь в бумагах, – в общем, дело выглядит так. Утром в среду семнадцатого октября, пять дней назад, фру Берта Дюнер, секретарь адвокатской конторы, пришла на работу – как обычно, около восьми – и нашла тело Стена Торстенссона в его кабинете, между дверью и письменным столом. Торстенссон был застрелен, три выстрела, каждый из которых мог быть причиной смерти. Поскольку в доме, где помещается адвокатская контора, никто не живет, и здание к тому же старой постройки, с толстыми стенами и окнами, выходящими на проезжую часть, выстрелов никто не слышал. Предварительные данные вскрытия указывают, что смерть наступила около одиннадцати вечера. Ничего удивительного – фру Дюнер утверждает, что Торстенссон часто работал допоздна, особенно после трагической гибели отца.

Мартинссон вопросительно посмотрел на Валландера.

– Я знаю, – сказал Валландер. – Знаю, что отец погиб в автокатастрофе.

Мартинссон кивнул:

– Вот и все, что у нас есть. Другими словами, ничего у нас нет. Ни мотива, ни орудия убийства, ни свидетелей.

Валландер мысленно прикинул, стоит ли сразу рассказать, что Стен приезжал к нему в Скаген. Довольно часто и, если быть до конца честным, даже слишком часто он совершал этот страшный для полицейского грех – утаивал информацию, которой обязан был поделиться с коллегами. Каждый раз он, разумеется, находил оправдания своему молчанию, понимая при этом, что они не особенно убедительны.

«Я поступаю неправильно, – подумал он. – Начинаю свою вторую жизнь в полиции с вопиющего нарушения правил».

Но почему-то ему казалось, что именно в этом случае он прав.

Валландер доверял своей интуиции. Интуиция была его самым надежным помощником, но иногда превращалась в злейшего врага.

Но сейчас он был уверен – пока следует промолчать.

Мартинссон сказал что-то такое, что привлекло его внимание. Или, скорее, он чего-то не сказал, и это показалось Валландеру странным.

Его размышления прервал Бьорк. Он стукнул ладонью по столу – у Бьорка этот жест означал крайнюю степень нетерпения и раздражения.

– Я попросил принести венские хлебцы, – сказал он, – но их, разумеется, так и не принесли. Поэтому я предлагаю сейчас прерваться. Курт ознакомится с деталями следствия в рабочем порядке, а после обеда встретимся. Может быть, к тому времени раздобудем что-нибудь к кофе.

Бьорк вышел. Все тут же придвинулись поближе к Валландеру, и он почувствовал, что должен что-то сказать. Было бы странно, если бы он делал вид, что ничего не случилось.

– Попробую начать с начала, – хрипло сказал он. – Это было чертовски трудное время. Я долго сомневался, смогу ли я продолжать работу в полиции. Убить человека, даже если это и была самооборона... Но я постараюсь.

В комнате стало тихо.

– Не думай, что мы не понимаем, – нарушил молчание Мартинссон. – Конечно, работая в полиции, ко всему привыкаешь, конца нет всяким мерзостям... но когда такое случается с тобой... В общем, если тебя это утешит, могу сказать – нам тебя не хватало не меньше, чем Рюдберга несколько лет назад.

Старый следователь Рюдберг, умерший весной 1991 года, был их ангелом-хранителем. У него, помимо огромного опыта и знаний, была удивительная способность разговаривать с каждым настолько откровенно и заинтересованно, что он всегда был в центре любого следствия.

Валландер понял, что имел в виду Мартинссон.

Он был единственным, кто сумел по-настоящему подружиться с Рюдбергом. За суровой внешностью Рюдберга скрывались поистине энциклопедические знания

и, что самое важное, – желание ими поделиться.

«Я получил богатое наследство, – подумал Валландер. – Мартинссон хочет сказать, что я должен взять на себя роль Рюдберга, примерить на себя его невидимую мантию».

– Если никто ничего не имеет против, – сказал Сведберг, вставая, – я съезжу в адвокатское бюро Торстенссона. Приехали несколько чиновников из адвокатской коллегии, они должны просмотреть какие-то бумаги и просят, чтобы присутствовал полицейский.

Мартинссон подвинул Валландеру пачку бумаг.

– Это все, что на сегодня у нас есть, – сказал он. – Тебе, наверное, хочется проглядеть все это в одиночестве.

Валландер кивнул.

– Автокатастрофа, – сказал он. – Дорожное происшествие. Густав Торстенссон.

Мартинссон поглядел на него с удивлением.

– Это дело закрыто. Старик не справился с управлением.

– Я бы все равно просмотрел материалы, – осторожно сказал Валландер, – если ты не возражаешь.

Мартинссон пожал плечами:

– Занесу к Ханссону.

– Нет, – сказал Валландер. – Ко мне. Я в своем старом кабинете.

Мартинссон встал:

– Ты неожиданно исчезаешь и неожиданно возвращаешься. За тобой не уследишь.

Он вышел. В комнате остались только Валландер и Анн Бритт Хёглунд.

– Я о тебе много слышала, – сказала она.

– Все, что ты слышала, наверняка правда. К сожалению.

– Думаю, что сумею многому у тебя научиться.

– Ты думаешь, есть чему учиться? Сомневаюсь...

Он быстро встал, чтобы закончить смутивший его разговор, взял бумаги и пошел к выходу. Анн Бритт открыла ему дверь.

Он вошел в свой кабинет и почувствовал, что вспотел. Снял пиджак и сорочку и начал вытирать пот занавеской. В ту же секунду дверь без стука открылась и вошел Мартинссон. Увидев полуголого Валландера, он вздрогнул от неожиданности.

– Материалы по автокатастрофе, – сказал он. – Я забыл, что здесь уже не Ханссон.

– Я, наверное, старомоден, – сказал Валландер, – но, пожалуйста, стучи, прежде чем войти.

Мартинссон положил папку на стол и исчез. Валландер вытер пот, надел сорочку и, покосившись на мятую занавеску, сел за стол и начал читать.

В начале двенадцатого он дочитал последнюю страницу рапорта.

Только сейчас он почувствовал, насколько отвык от следственной работы. С чего начать?

Валландер вспомнил Стена Торстенссона, как тот появился из тумана на юландском пляже.

«Он просил о помощи, – подумал Валландер. – Он просил выяснить, что же случилось с его отцом. Дорожная авария, которая вовсе не была, как он считал, дорожной аварией и тем более самоубийством. Он говорил, что отец сильно изменился в последнее время... И через несколько дней Стена находят мертвым в его конторе... Стен говорил, что отец последнее время был чем-то возбужден. Но сам-то Стен, за исключением понятного беспокойства по поводу загадочной гибели отца, ничем другим озабочен не был. Он не считал, что ему тоже что-то грозит».

Валландер подвинул к себе блокнот, где не было ничего, кроме имени Стена Торстенссона, и крупно написал: Густав Торстенссон.

Потом написал оба имени еще раз, но в обратном порядке: Густав Торстенссон, Стен Торстенссон.

Валландер потянулся к телефону и по памяти набрал номер Мартинссона. Потом попробовал еще раз и сообразил, что за время его отсутствия внутренние телефоны могли измениться. Он встал и вышел в коридор. Дверь в кабинет Мартинссона была открыта настежь.

– Я прочитал материалы, – сказал Валландер, осторожно садясь на шаткий стул для посетителей.

– Как видишь, их не так уж много, не за что зацепиться, – сказал Мартинссон. – Один или несколько преступников проникают поздно вечером в контору Стена Торстенссона и убивают его тремя выстрелами. Похоже, ничто не украдено. Бумажник при нем, во внутреннем кармане пиджака. Фру Дюнер, а она работает у них больше тридцати лет, утверждает, что все на месте.

Валландер задумчиво кивнул. Он так и не вспомнил, что его насторожило в словах Мартинссона на оперативке.

– Кто первый прибыл на место преступления? Ты?

- Петерс и Нурен. Они меня и вызвали.

- Обычно складывается какое-то впечатление... О чем ты подумал в первую очередь?

- Попытка ограбления, - ответил Мартинссон, не задумываясь.

- Сколько их было?

- Никаких точных данных нет. Но оружие использовалось одно, в этом мы почти уверены. Техническая экспертиза, понятно, еще не готова.

- То есть, скорее всего, преступник был один?

Мартинссон кивнул.

- Думаю, да. Но пока это только предположение, его нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

- Три выстрела... Один в сердце, один в живот, сразу под пупком, и один в лоб. Я не ошибусь, если скажу, что стрелявший неплохо обращается с оружием...

- Я уже думал об этом, - сказал Мартинссон. - Но это может быть и случайностью. Говорят, случайные выстрелы оказываются смертельными не реже, чем выстрелы снайпера. Я читал американскую статью...

Валландер встал.

- Какого рожна они полезли в адвокатскую контору? Потому что адвокаты, по слухам, гребут деньги лопатой? И что, преступник считал, что деньги лежат пачками в конторе на столе?

- На этот вопрос может ответить только один человек. Или, может быть, два.

- Мы их возьмем, - сказал Валландер. - Я поеду туда и осмотрюсь немного.

– Фру Дюнер, разумеется, в шоке, – сказал Мартинссон. – За какой-то месяц рухнул весь ее мир. Сначала старик Торстенссон. Не успела она опомниться после похорон – убивают сына. Но голова у нее ясная, так что поговорить с ней полезно. Ее адрес в распечатке телефонного разговора со Сведбергом.

– Стикгатан, двадцать шесть, – сказал Валландер. – За гостиницей «Континенталь». Я там иногда ставлю машину.

– По-моему, там нет парковки, – заметил Мартинссон.

Валландер сходил за курткой и вышел на улицу. Девушку за окошком приемной он никогда раньше не видел. Надо бы остановиться и представиться, а заодно и узнать, где Эбба – уволилась или работает в вечернюю смену. Можно и позже, решил он.

Странно – первые часы, проведенные им на работе, были совершенно будничными, но он все равно волновался. Валландер чувствовал настоятельную потребность побыть одному. Он так долго был в одиночестве, что теперь, похоже, придется заново привыкать к общению. Проезжая мимо больницы, он вдруг почувствовал, что его тянет назад, в скагенское отшельничество, к своему бесконечному патрулированию пустынных пляжей, где вряд ли мог появиться какой-нибудь нарушитель.

Но это все позади. Он снова на службе.

«Отвык, – подумал он. – Это пройдет. Рано или поздно, но пройдет».

Адвокатская контора помещалась в желтом оштукатуренном доме на Шёмансгатан, недалеко от находящегося на ремонте здания театра. Около дома стоял полицейский автомобиль, несколько зевак обсуждали случившееся. С моря дул довольно сильный холодный ветер, так что, выходя из машины, Валландер поежился. Он открыл тяжелую дверь подъезда и нос к носу столкнулся со Сведбергом.

– Поеду куплю что-нибудь пожрать, – сказал Сведберг.

– Давай, – сказал Валландер. – Я осмотрюсь немного.

В приемной сидела молоденькая испуганная секретарша. Валландер вспомнил ее имя – Соня Лундин. Она работала в адвокатской конторе всего несколько месяцев и ничего ценного сообщить не могла.

Валландер протянул руку для пожатия и представился.

– Я только осмотрюсь, – повторил он. – А где фру Дюнер?

– Сидит дома и плачет, – просто ответила девушка.

Валландер растерялся. Он просто не знал, что на это сказать.

– Она этого не переживет, – уверила его Соня Лундин. – Она тоже умрет.

– Не стоит так думать, – произнес Валландер и сам почувствовал, как глупо и неуместно звучат его слова.

«Адвокатская контора Торстенссона, – подумал он. – Приют одиноких людей. Густав Торстенссон овдовел больше пятнадцати лет назад, Стен Торстенссон потерял мать и к тому же был холостяком. Фру Дюнер развелась в начале семидесятых. Три одиноких человека день за днем приходят сюда, в эту контору. А теперь двоих из них нет, а оставшаяся чувствует себя еще более одиноко».

Он прекрасно понимал, почему фру Дюнер сидит дома и плачет.

Дверь в приемную была закрыта, оттуда доносились голоса. На дверях по обе стороны приемной он прочитал имена обоих адвокатов, тщательно выгравированные на начищенных медных пластинках.

Почему-то он решил сначала осмотреть кабинет Густава Торстенссона. Здесь царил полумрак – шторы были задернуты. Он закрыл за собой дверь, повернул выключатель и огляделся. Это было как путешествие во времени. Тяжелые кожаные кресла, мраморный стол, пейзажи на стенах. Может быть, убийца Стена Торстенссона охотился за картинами? Он подошел к одному из пейзажей, но, как ни силился, не сумел разобрать подпись. К тому же вряд ли он с его скромными знаниями смог бы оценить стоимость картины или отличить

подделку от подлинника. Валландер отошел от стены. У солидного письменного стола – большой глобус. На столе ничего нет, кроме нескольких ручек, телефона и диктофона. Он сел за стол в удобное рабочее кресло и осмотрелся, вспоминая, что говорил ему Стен, пока они пили кофе в музее в Скагене. Это была не авария. Не просто авария. Густав Торстенссон в последние месяцы своей жизни пытался скрыть, что он чем-то обеспокоен.

Валландер размышлял. А чем, собственно, занимаются адвокаты? Из чего состоит их рабочий день? Они защищают, когда прокурор обвиняет. Дают юридические советы. Им многое доверяют. Они дают клятву неразглашения тайны клиента.

Только теперь это пришло ему в голову. Адвокаты посвящены во многие тайны.

Он поднялся.

Ну и что? Какие выводы он может из этого сделать?

Он вышел в приемную. Соня Лундин по-прежнему неподвижно сидела на своем стуле. Он открыл дверь в кабинет Стена Торстенссона и вздрогнул – ему почему-то показалось, что тело все еще здесь, на полу, в том же положении, в каком он видел его на сделанных криминалистами фотографиях. Но на полу ничего не было, кроме клеенки. Даже темно-зеленый ковер криминалисты увезли на экспертизу.

Кабинет был очень похож на тот, из которого он только что вышел. Единственная разница – несколько современных стульев для клиентов у письменного стола.

Никаких бумаг. Валландер на этот раз не стал садиться за стол.

«Это все на поверхности, – подумал он, – а дальше что? Я скольжу по поверхности, я не вижу ничего, кроме того, о чем мне уже рассказали».

Он вышел из кабинета. Появился Сведберг – он пытался уговорить Соню Лундин съесть бутерброд, потом предложил бутерброд Валландеру, но Валландер тоже отказался. Сведберг показал на дверь приемной :

- Там сидят так называемые доверенные лица из Коллегии адвокатов. Просматривают все документы - регистрируют, пломбируют, намечают план действий. Надо известить клиентов, передать дела другим адвокатам. Адвокатское бюро Торстенссона прекратило свое существование.

- Мы тоже должны просмотреть эти документы, - сказал Валландер. - В их переписке с клиентурой мы, возможно, найдем объяснение произошедшему.

Сведберг наморщил лоб :

- В их переписке? Ты, должно быть, имеешь в виду переписку Стена Торстенссона? Отец же погиб в автокатастрофе.

Валландер кивнул.

- Конечно, - сказал он. - Я и имел в виду Стена.

- Жаль, что не наоборот, - сказал Сведберг.

Валландер вначале не обратил внимания на замечание Сведберга, но затем спохватился:

- Что ты имеешь в виду?

- У старого Торстенссона, похоже, клиентов почти не было. А Стен Торстенссон вел целую кучу дел.

Сведберг мотнул головой в сторону приемной :

- Они считают, что уйдет не меньше недели на то, чтобы во всем разобраться.

- Тогда не буду их беспокоить, - сказал Валландер. - Лучше поеду поговорю с фру Дюнер.

- Тебя проводить?

– Не надо. Я знаю, где она живет.

Валландер сел в машину и повернул ключ зажигания. Он был в растерянности, но постарался преодолеть сомнения. Он должен тянуть за единственную ниточку, данную ему в Скагене Стеном Торстенссоном. Другого у него ничего не было.

«Должна быть какая-то связь», – думал он, медленно ведя машину на восток. Он миновал здание суда, Сандскуген и выехал из города. Две эти смерти связаны между собой. Других вариантов нет.

Время от времени он смотрел в окно на мелькающий серый пейзаж. Начал моросить дождь. Он подкрутил отопление.

«Как можно любить эту глину? И все же я почему-то люблю ее... Полицейский в глине... Глиняный полицейский... Может, и в самом деле поискать что-то другое?»

Через полчаса Валландер был на месте, где разбился Густав Торстенссон. Он вышел из машины, взял из багажника резиновые сапоги и папку с материалами об аварии. Переобувшись, он огляделся. Ветер усилился, дождь тоже, и он почти сразу замерз. На покосившемся столбе дорожного ограждения сидел большой канюк и настороженно его разглядывал.

Место было очень пустынным, даже для Сконе. Никаких хуторов поблизости, только мертвая зыбь рыжих полей. Дорога здесь была прямая, и только через несколько сотен метров начинался подъем, переходящий в довольно крутой левый поворот. Валландер разложил план места аварии на капоте и, то и дело оглядываясь, сравнил его с тем, что он видел перед собой. Машина лежала слева, примерно в двадцати метрах от дороги. Никаких тормозных следов найдено не было, но это можно было объяснить тем, что в момент аварии стоял густой туман и Густав просто не успел затормозить.

Он собрал бумаги, сунул папку в машину, вышел на середину дороги и еще раз огляделся. За все время мимо не прошла ни одна машина. Канюк так и сидел на столбе. Валландер перешагнул кювет и пошел по мокрой глине, сразу же налипшей на сапоги. Он отсчитал двадцать метров, обернулся и посмотрел на дорогу. Проехал грузовик с бойни, за ним две легковых машины. Дождь все

усиливался. Он попытался представить, что же могло произойти. Пожилой водитель ведет машину в густом тумане. Вдруг он не справляется с управлением, машина летит в канаву, переворачивается два или три раза и остается лежать вверх колесами. Водитель, пристегнутый ремнем безопасности, мертв. На теле было всего несколько царапин, но он, очевидно, сильно ударился затылком обо что-то и умер практически мгновенно. Машину обнаружили только на рассвете – какой-то крестьянин проезжал мимо на своем тракторе.

«Он вовсе не обязательно должен был ехать быстро, – подумал Валландер. – Густав Торстенссон, почувствовав, что теряет управление, мог в панике нажать на акселератор, и машина, набирая скорость, угодила в канаву. Мартинссон написал исчерпывающий и совершенно верный рапорт».

Он уже собирался идти к машине, но его внимание привлек какой-то предмет, торчавший из грязи рядом с ним. Он нагнулся – это была ножка от стула, самого обычного коричневого венского стула. Он отбросил ее в сторону. Канюк снялся со столба и улетел, тяжело хлопая крыльями.

«Остается только осмотреть разбитый автомобиль, – подумал Валландер. – Но и там вряд ли найдется что-то, что Мартинссон мог бы проглядеть».

Он вернулся к машине, отскреб, насколько возможно, глину с подошв, сунул сапоги в багажник и опять надел ботинки. По дороге в Истад ему пришла мысль навестить отца в Лёдерупе, но он отложил это на потом. Он должен поговорить с фру Дюнер и, если успеет, поглядеть на разбитую машину.

Валландер остановился на заправке ОК, заказал кофе и бутерброд. Он огляделся – ему пришла в голову мысль, что именно в этих крошечных кафе при заправках становится особенно ясно, насколько пустынна Швеция... Внезапно Валландер почувствовал беспричинную тревогу. Он поставил на столик недопитый кофе и вышел на улицу. Под дождем доехал до города, свернул у отеля «Континенталь» направо, а потом еще раз направо – иначе на крошечную Стиггатаун было не заехать. У розового дома, где жила Берта Дюнер, он довольно нахально, заняв полтротуара, припарковал машину и позвонил в дверь. Прошло не меньше минуты, прежде чем дверь слегка приоткрылась. В темной прихожей он увидел бледное женское лицо.

– Меня зовут Курт Валландер, я из полиции, – сказал он, лихорадочно роясь в карманах в поисках удостоверения. – Мне очень нужно поговорить с вами, если вы, конечно, ничего не имеете против.

Фру Дюнер открыла дверь,пустила его и протянула вешалку. Он повесил свою мокрую куртку, и она пригласила его в гостиную с натертым до глянца паркетным полом и окном во всю стену с видом на небольшой садик с задней стороны дома. Он осмотрелся – в этой квартире ничто не было случайным, вся обстановка, все украшения были поставлены в строго продуманном и, по-видимому, никогда не нарушаемом порядке.

«Наверное, у нее и в адвокатском бюро такой же порядок, – подумал он. – Какая разница – поливать цветы или работать с документами... важно, чтобы все шло по строгому плану, никаких отклонений, никаких случайностей».

– Присаживайтесь, – сказала она звучным голосом с неожиданно надменной интонацией. Валландер почему-то представлял, что эта невероятно худая седая женщина должна разговаривать тихим, едва слышным голосом. Он сел в старинное плетеное кресло и устроился поудобнее. Кресло закрипело.

– Не угодно ли чашку кофе? – спросила она.

Он отрицательно покачал головой.

– Чай?

– Нет, спасибо. Я хочу задать вам всего несколько вопросов и сразу уйду.

Она присела на краешек цветастого дивана по другую сторону стеклянного журнального столика. Валландер вдруг сообразил, что у него нет с собой ни ручки, ни блокнота. Он даже не позаботился приготовить первые несколько вопросов, а ведь это было одним из неизменных правил, которые он свято соблюдал. За многие годы службы он понял, что как при допросах, так и в беседах со свидетелями нельзя работать наугад.

– Прежде всего, хочу принести вам искренние соболезнования по поводу случившегося. Я видел Густава Торстенссона всего несколько раз, но со Стеном

был хорошо знаком.

– Я знаю, – сказала фру Дюнер. – Он помогал вам в бракоразводном процессе.

Не успела она это произнести, как Валландер вспомнил. Именно она встретила их с Моной, когда они пришли в адвокатскую контору... может быть, она не была такой седой тогда... чуть, кажется, пополнее – но он все равно удивился, что не сразу ее узнал.

– У вас хорошая память.

– Я могу забыть имя, – сказала она. – Но не лицо.

– Та же история со мной.

Они помолчали. По улице прошла машина. Валландер подумал, что ему следовало бы повременить с этим разговором. Он просто-напросто не знал, какие вопросы он должен задать, не мог придумать, с чего начать разговор. К тому же ему вовсе не хотелось вспоминать мрачные дни развода с Моной.

– Вы уже говорили с нашим сотрудником Сведбергом, – наконец произнес он. – К сожалению, в процессе трудного следствия часто возникает необходимость в дополнительных вопросах и уточнениях. И не всегда удается сделать так, чтобы эти вопросы задавал один и тот же следователь.

Валландер мысленно застонал от отвращения – господи, что за казенный, неуклюжий язык! Он с трудом удержался от того, чтобы встать, извиниться и уйти. Попросту – сбежать.

– Я не буду задавать вопросы о том, что мы уже знаем, – сказал он. – Можете не повторять рассказ, как вы пришли утром в контору и нашли тело Стена Торстенссона. Если, конечно, вы не вспомнили ничего существенного.

– Нет, – уверенно ответила она. – Ничего существенного я не вспомнила.

– Накануне убийства, – продолжил Валландер. – Когда вы ушли с работы в тот день?

– В шесть. Может, пять минут седьмого, но не позже. Я проверила несколько писем, распечатанных фрекен Лундин. Потом позвонила господину Торстенссону и спросила, нужна ли я еще на работе. Он сказал, что на сегодня рабочий день закончен, и пожелал приятно провести вечер. Я взяла плащ и ушла.

– И заперли за собой дверь... Значит, Стен Торстенссон остался в конторе один?

– Да.

– А чем он собирался заниматься так поздно.

Она поглядела на него с удивлением:

– Продолжить работу, разумеется. Адвокат с таким количеством дел, как Стен Торстенссон, не может просто все бросить и уйти домой.

Валландер кивнул :

– Я понимаю, что он работал. Я хотел узнать, было ли у него какое-то дело, требующее особой спешки?

– Все дела требуют особой спешки. После убийства отца все его дела перешли к Стену, так что он просто задышался от работы. Это же понятно.

Валландер насторожился :

– Вы говорите об автокатастрофе?

– Разумеется! О чем же еще?

– Но вы сказали «убийство»!

– Человек умирает, или его убивают. Умирают в своей постели, от болезни или чего-то еще, что принято называть естественными причинами. Но если человек погибает в автокатастрофе... Сознайтесь, это же не естественная смерть? Значит, он был убит.

Валландер медленно наклонил голову, соглашаясь с ее объяснением. Но все равно ему показалось, что она имела в виду что-то другое, что она невольно проговорила, напомнив ему о подозрениях Стена Торстенссона, заставивших того приехать в Скаген.

Вдруг ему пришла в голову мысль:

– А можете вы припомнить, что делал Стен на прошлой неделе? Во вторник и среду, двадцать четвертого и двадцать пятого октября?

– Он был в отъезде.

Она ответила сразу, не задумываясь.

Значит, он не делал секрета из своей поездки.

– Сказал, что ему нужно прийти в себя после смерти отца. Я, естественно, отменила все встречи на эти два дня.

И вдруг, совершенно неожиданно, она разрыдалась. Валландер совершенно растерялся. Он сменил позу – стул под ним заскрипел.

Она резко поднялась с дивана и вышла в кухню. Он прислушался – оттуда доносились всхлипывания. Потом она вернулась.

– Тяжело, – сказала она. – все это бесконечно тяжело.

– Я понимаю, – сказал Валландер.

– Он прислал мне открытку, – слабо улыбнулась она.

Валландер испугался, что фру Дюнер снова начнет плакать, но она держалась на удивление спокойно.

– Хотите посмотреть?

- Да, разумеется, - кивнул он.

Она поднялась, подошла к книжной полке и достала из фарфорового блюда открытку.

- Должно быть, красивая страна - Финляндия, - сказала она. - Никогда там не была.

Валландер уставился на открытку, на которой был изображен морской пейзаж в лучах заходящего солнца.

- Да, - медленно сказал он. - Я много раз бывал в Финляндии. Вы совершенно правы - очень красивая страна.

- Извините меня за слабость, - сказала она. - Открытка пришла в тот самый день, когда его убили.

Он рассеянно кивнул.

Он понимал, что ему надо еще очень о многом спросить Берту Дюнер, но пока он даже и не знает, о чем именно. Но время еще не пришло. Значит, Стен сказал своей секретарше, что уезжает в Финляндию. И загадочная открытка тоже, несомненно, отправлена из Финляндии. Кто же ее послал, если Стен Торстенссон в это время был на Юланде?

- Я должен в интересах следствия позаимствовать эту открытку на несколько дней, - сказал он. - Лично даю гарантию, что мы ее возвратим.

- Конечно, - сказала она. - Я понимаю.

- И последний вопрос. Скажите, в последнее время вы не замечали ничего необычного?

- Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду... не было ли каких-либо странностей в его поведении?

- Он был потрясен гибелью отца.

- И ничего больше?

Он сам почувствовал, насколько дико звучит его вопрос. Но делать было нечего - только ждать ее ответа.

- Нет, пожалуй, - сказала она. - Он был таким же, как всегда.

Валландер поднялся с плетеного кресла.

- Мы наверняка говорим не в последний раз, - сказал он.

- Кто мог такое сделать? - спросила она, не вставая с дивана. - Прийти, убить человека и уйти, как будто ничего не случилось...

- Это мы и должны узнать... Скажите, были ли у него враги?

- Враги? Какие враги?

Валландер помедлил и задал еще один вопрос:

- У вас есть своя версия того, что случилось?

Она наконец встала с дивана :

- Когда-то можно было попытаться понять даже то, что казалось непонятным. Но те времена в нашей стране прошли.

Валландер с трудом натянул отяжелевшую от дождя куртку, вышел на улицу и остановился. Он вспомнил заклинание, которое он часто про себя повторял - еще с тех пор, когда он был молодым, только что вылупившимся полицейским.

«Время жить и время умирать».

Прощальная реплика Берты Дюнер... она хотела сказать что-то важное о Швеции. Надо будет к этому вернуться. Но не сейчас, сейчас есть другие дела.

«Я должен понять, как рассуждал убитый, – подумал он. – Открытка, отправленная из Финляндии... как раз в тот самый день, когда Стен и не кто иной, как Стен, сидел с ним рядом в кафе Музея искусств в Скагене. Значит, он говорил неправду. Во всяком случае, не всю правду. Человек всегда знает сам, когда он врет. Нельзя врать, не подозревая об этом. Тогда это не ложь».

Он сел в машину и задумался, пытаясь наметить план действий. Если бы его спросили, что хочет он лично, он ответил бы – поехать домой, задернуть шторы в спальне и лечь спать. Но как полицейский он не имел на это права.

Он посмотрел на часы – без четверти два. Самое позднее в четыре он должен вернуться в полицию на вечернюю оперативку. Наконец он принял решение, завел мотор, свернул на Хамнгатан и сразу налево, чтобы вновь попасть на Эстерледен. По шоссе на Мальмё он добрался до поворота на Бьерешо. Дождь прекратился, то и дело налетали порывы ветра. Проехав несколько километров, он свернул с главной дороги и остановился у забора с ржавой вывеской: «Автомобильная свалка Никлассона». Ворота были открыты. По обе стороны штабелями громоздились изуродованные машины. Валландер был здесь не в первый раз – Никлассон в истадской полиции был почти легендарной фигурой. На него много раз падало подозрение по делам о скупке краденого, но он ни разу не был осужден, несмотря на очевидные на первый взгляд улики. Каждый раз находилась невидимая игла, протыкавшая красивый воздушный шарик неопровержимых доказательств, и Никлассон возвращался в два сваренных между собой автофургона, служивших ему и жильем, и конторой.

Валландер заглушил мотор и вышел из машины, провожаемый подозрительным взглядом грязного кота, сидевшего на ржавом капоте древнего «пежо». В ту же секунду он увидел Никлассона с крышкой в руках. На нем были темный комбинезон и выдававшая виды шляпа, надвинутая на глаза. Валландер постарался припомнить, видел ли он когда-нибудь Никлассона одетого по-другому, – и не сумел.

– Курт Валландер, – сказал Никлассон, улыбаясь. – Не вчера это было, не вчера... Что, арестовывать меня приехал?

– А что, следовало бы? – вопросом на вопрос ответил Валландер.

Никлассон захохотал:

– Тебе видней.

– Хочу взглянуть на одну тачку. Темно-синий «опель», принадлежавший адвокату Густаву Торстенссону.

– А, этот... – сказал Никлассон. – Пошли, он вон там. А что на него глядеть?

– А то, что человек, сидевший в этом «опеле», разбился насмерть.

– Народ ездит как безумный, – сказал Никлассон. – Удивляюсь, почему так редко разбивается... Вот он, твой «опель». Я еще к нему не приступал. Его вообще никто не трогал, как привезли.

Валландер кивнул:

– Спасибо. Дальше я сам справлюсь.

– Ясное дело, справишься... А знаешь, я всю жизнь думаю, каково это – убить человека? – неожиданно спросил он.

– Ничего хорошего... а ты как думал?

Никлассон пожал плечами.

– Да я ничего и не думал. Просто интересно.

Дождавшись, когда Никлассон уйдет, Валландер медленно обошел машину. Потом еще раз. Странно – наружных повреждений было очень мало, хотя машина ударилась о каменное ограждение и потом перевернулась не меньше двух раз. Он присел на корточки, заглянул в кабину – и сразу увидел ключи на полу у педали газа. Помучившись, открыл дверь, достал связку, сунул ключ в замок зажигания и повернул.

Стен Торстенссон был совершенно прав – ни ключ, ни замок повреждены не были. Он задумчиво обошел машину еще раз. Потом забрался на водительское место и попытался представить, каким образом Густав Торстенссон получил удар в затылок. Пятна крови были почти везде, но обо что именно ударился Торстенссон, ему так и не удалось определить.

Он опять вылез из машины со связкой ключей в руке и, сам не зная зачем, открыл багажник. Там лежали несколько старых газет и сломанный венский стул. Валландер тут же вспомнил ножку стула в поле. Вытащил одну из газет и посмотрел дату – газеты и в самом деле были старыми, полугодичной давности. Он захлопнул багажник.

Ему надо было обдумать увиденное.

Он прекрасно помнил, что было написано в рапорте Мартинссона. Мартинссон добросовестно отметил, что все двери, кроме водительской, были заперты на замок. Багажник тоже.

Он стоял неподвижно.

Сломанный стул в багажнике. А одна из ножек – там, в глине. Мертвый водитель за рулем.

Он почувствовал раздражение – небрежный осмотр места происшествия, напрашивающиеся выводы. Потом немного остыл – Стен Торстенссон тоже не заметил ножку стула, не среагировал на запертый багажник.

Он медленно вернулся к машине.

Значит, Стен был прав. Его отец не погиб в автокатастрофе. Он пока еще не мог сказать, что именно... но что-то произошло тогда в тумане, на этом пустынном участке дороги. Там был как минимум еще один человек. Кто?

Никлассон вылез из своей будки:

– Хочешь кофе?

Валландер покачал головой.

- Не прикасайся к машине, - предупредил он. - Мы будем ей заниматься.

- Будь осторожен, - сказал Никлассон.

Валландер удивленно поднял брови:

- Что ты имеешь в виду?

- Как его звали? Ну, сына... Стен Торстенссон? Он тоже приезжал, смотрел на машину, а теперь и он мертв. Вот и все.

Никлассон пожал плечами.

- Вот и все, - повторил он. - Ничего другого.

Валландеру вдруг пришла в голову мысль :

- А кто еще приезжал? Кто еще осматривал машину?

- Никто.

Валландер поехал в Истад. Он порядком устал и ему никак не удавалось сообразить, как же истолковать то, что он обнаружил.

Но теперь он не сомневался. Стен Торстенссон был прав - за аварией скрывалось что-то иное.

В семь минут пятого Бьорк закрыл дверь в комнату для совещаний. Валландер сразу почувствовал, что настроение у собравшихся кислое. По-видимому, никому не удалось найти что-то серьезное, что могло бы повлиять на ход следствия. Такие моменты в полицейских фильмах отсутствуют начисто, мелькнула почему-то мысль. И все же он знал, что именно в эти минуты тяжелого, даже враждебного молчания работа не останавливается. Надо просто признать, что мы ничего пока не знаем и обязаны двигаться дальше.

И он вдруг принял решение – вспоминая эти минуты, он не мог сказать, почему; возможно, просто из тщеславного желания оправдать свое возвращение, доказать, что он по-прежнему полицейский, а не развалина, не изработавшийся и опустившийся старик, у которого не хватило достоинства молча уйти в тень.

Бьорк посмотрел на него, словно подбадривая. Валландер еле заметно покачал головой – еще рано.

– Ну так что у нас? – спросил Бьорк.

– Я обошел весь дом, – сказал Сведберг. – Весь дом, все подъезды, все квартиры. Никто ничего необычного не слышал, никто ничего не видел. Странно, но никто даже не звонил... Обычно звонят. Все словно вымерли.

Сведберг замолчал. Бьорк повернулся к Мартинссону.

– Я был в его квартире на Регементсгатан. Мне кажется, я никогда в жизни не чувствовал себя таким идиотом: понятия не имел, что ищу. Единственное, что могу сказать – у Стена Торстенссона был вкус к хорошему коньяку. У него также коллекция старинных книг, по виду очень дорогих. Звонил в лабораторию в Линчёпинг насчет пуль, но они просят подождать до завтра.

Бьорк вздохнул и посмотрел на Анн Бритт Хёглунд.

– Я попыталась воссоздать картину его личной жизни. Семья, друзья... Здесь тоже ничего примечательного. Знакомых... я имею в виду тех, с кем он общался, было не так уж много... похоже, работа отнимала у него все время. Раньше много ходил под парусом, но в последние годы перестал, не совсем ясно, почему. Родственников мало – тетки, несколько двоюродных братьев и сестер. Он, в общем, был убежденный холостяк и одиночка, сомнений нет.

Валландер незаметно наблюдал за ней. Ее основательность и добросовестность, как ему показалось, граничат с полным отсутствием фантазии... впрочем, выводы делать рано. Он ее совсем не знает, все говорят, что из нее должен выйти хороший полицейский.

«Настают новые времена, – подумал он. – Может быть, она и есть тот самый полицейский нового типа...»

– Итак, стоим на месте, – неуклюже подытожил Бьорк. – Знаем, что Стена Торстенссона застрелили, знаем, где и когда, но не знаем, кто и почему. К сожалению, должен заметить, что следствие обещает быть очень трудным. И долгим.

Никто не возражал. За окном снова пошел дождь. Пора.

– Что касается того, что случилось со Стеном Торстенссоном, мне нечего добавить, – сказал он. – Что мы знаем, то знаем, ни больше ни меньше. А вот что касается его отца...

Он почувствовал, как все насторожились.

– Густав Торстенссон не погиб в аварии. Его убили, как и его сына, и эти убийства связаны между собой. Во всяком случае, исходить надо из этого, все остальные версии маловероятны.

Он обвел взглядом собравшихся. Никто не шевельнулся, все молча уставились на него.

Вдруг он почувствовал, что острова в Карибском море и бесконечные пляжи Скагена словно бы перестали существовать. Только сейчас ему стало понятно, что он взломал свою раковину и вернулся к той жизни, с которой он, как ему казалось, попрощался навсегда.

– Собственно, это все, – закончил он. – А то, что Густава Торстенссона убили, я могу доказать.

Никто не проронил ни слова. Наконец, молчание прервал Мартинссон:

– Кто?

– Не знаю. Кто-то. Причем этот «кто-то» совершил очень странную ошибку.

Валландер встал.

Через десять минут они уже ехали в трех машинах к пустынному участку дороги около Брёсарпских холмов.

Когда они добрались до места, уже смеркалось.

4

В сумерках 1 ноября крестьянин Улоф Йонссон стал свидетелем необычного зрелища. Он вышел в поле прикинуть, как распределить весенние посевы, и вдруг увидел по другую сторону дороги нескольких человек, стоящих на глинистой земле полукругом, словно у могилы. Он поднес к глазам бинокль, который всегда носил с собой – случилось, что косули прятались на опушках небольших рощ, окружавших его земли, – и попытался рассмотреть странную группу получше. Один из них показался ему знакомым, хотя он и не мог вспомнить, где его видел. Йонссон вдруг сообразил, что они стоят на том самом месте, где несколько недель назад разбился старик. Он быстро опустил бинокль, словно испугался, что его присутствие будет обнаружено. «Должно быть, родственники покойного, – подумал он. – Пришли почтить память». Он покачал головой и ушел, не оборачиваясь.

Когда они уже подъезжали к месту происшествия, Валландер вдруг засомневался – не показалось ли ему все это. Может быть, это была вовсе не ножка стула, а просто палка? Он спустился один, остальные стояли на дороге и ждали. Он слышал их голоса, но не мог разобрать, о чем они говорят.

«О чем они могут говорить? О том, что у меня галлюцинации? Что я непригоден к службе?»

И в этот момент он ее увидел. Она торчала из глины прямо перед ним. Он мгновенно понял, что не ошибся, повернулся и знаком подозвал сотрудников. Они некоторое время стояли молча, уставившись на грязную ножку от стула.

– Может быть, ты и прав, – сказал Мартинссон с сомнением. – Я помню этот сломанный стул в багажнике. Ножка вполне может быть от него.

– Все равно, это очень странно, – сказал Бьорк. – Я хочу, чтобы ты повторил свою версию, Курт.

– Все очень просто, – сказал Валландер. – Я прочитал рапорт Мартинссона. Там было написано, что багажник заперт. Вряд ли он открылся при аварии, а потом сам собой захлопнулся. В таком случае были бы следы удара на задней части кузова. Но таких следов нет.

– А ты что, ездил смотреть машину? – удивленно спросил Мартинссон.

– Должен же я как-то вас догнать, – ответил Валландер и заметил, что он чуть ли не просит прощения за то, что поехал к Никлассону – словно этим он выразил недоверие Мартинссону, подверг сомнению его способность грамотно провести даже такое простое расследование, как дело об аварии. Впрочем, так оно и было, но сейчас это уже не важно.

– Думаю, картина ясна – пожилой человек за рулем, один, машина переворачивается несколько раз... и что дальше? Он выходит из кабины, открывает багажник, отламывает ножку от стула и бросает ее на землю. После чего запирает багажник, возвращается на водительское место, пристегивает ремень безопасности и внезапно умирает от травмы головы, полученной в момент аварии.

Никто не сказал ни слова. Валландеру было хорошо знакомо это состояние: покрывало падает, и взгляду открывается то, что никто не ожидал увидеть.

Сведберг достал из кармана плаща пластиковый пакет и осторожно положил в него отломанную ножку.

– Я нашел ее метрах в пяти отсюда, – сказал Валландер, указывая пальцем. – Поднял и отбросил.

– Довольно странное обращение с вещественными доказательствами, – заметил Бьорк.

– Я в тот момент и представить себе не мог, что эта ножка имеет какое-то отношение к смерти Густава Торстенссона, – стал оправдываться Валландер. – Я и сейчас не знаю, что она, эта ножка, сама по себе доказывает.

– Если я правильно понял ход твоих мыслей, – сказал Бьорк, не обращая внимания на оправдания Валландера, – в момент гибели Густава Торстенссона здесь был кто-то еще. Но это вовсе не значит, что его убили. Может быть, кто-то увидел стоящую в поле машину и решил поживиться – а вдруг что-то есть ценное в багажнике? В том, что этот некто не связался с нами и выбросил ножку, тоже ничего удивительного нет. Мародеры не жаждут публичности.

– Это, конечно, верно, – согласился Валландер.

– Но ты же сказал, что берешься доказать, что старый Торстенссон был убит?

– Ну, может быть, я погорячился. Я просто имел в виду, что все не так просто, как казалось.

Они пошли к дороге.

– Машину надо осмотреть еще раз, – сказал Мартинссон. – Криминалисты наверняка удивятся, когда получат грязную ножку от венского стула. Ничем помочь не можем – пусть удивляются.

Бьорку явно хотелось закончить эту импровизированную оперативку побыстрее. Снова пошел дождь, то и дело налетали сильные порывы ветра.

– Завтра решим, что делать дальше, – сказал он. – Придется проверить все возможные версии... к сожалению, их не так много. Вряд ли сегодня мы к чему-либо придем.

Они разошлись по машинам. Анн Бритт Хёглунд остановилась в нерешительности.

– Могу я поехать с тобой? – спросила она. – У Мартинссона везде детские стульчики, а у Бьорка машина набита рыболовными принадлежностями.

Валландер кивнул. Они уехали последними и долго молчали. Валландеру было странно, что кто-то сидит с ним рядом – он отвык. Ему пришло в голову, что он ни с кем не разговаривал по душам с того самого летнего дня два года назад. Разве что с дочерью.

Наконец она прервала молчание:

– Мне кажется, ты прав. Наверняка есть связь между гибелью сына и этой аварией.

– Во всяком случае, это надо проверить.

Слева появилось море. Волны с пеной разбивались о берег.

– Почему люди идут в полицию? – спросил он.

– За других не скажу. А про себя знаю. Еще в школе полиции говорили, что нет двух людей, мечтающих об одном и том же.

– А разве полицейские мечтают о чем-то?

– Все мечтают. Даже полицейские. А у тебя разве нет мечты?

Валландер не знал, что на это ответить. Она, конечно, права – мечтают все. «А я? О чем мечтаю я? – подумал он. – То, о чем мечтаешь в юности, в конце концов бледнеет и испаряется или превращается в некую путеводную звезду, за которой потом следуешь. Что осталось от того, о чем я когда-то мечтал?»

– Я стала полицейским, потому что не хотела идти в священники, – вдруг сказала Анн Бритт. – Я долго верила в Бога. Мои родители принадлежали к евангелистской церкви. Но в один прекрасный день я проснулась и обнаружила, что вера моя исчезла. Долго не знала, что теперь делать. Но потом кое-что произошло, и я сразу решила пойти в полицию.

Валландер скопил на нее глаза.

– Расскажи, – попросил он. – Мне очень важно знать, почему люди до сих пор стремятся в полицию.

– В другой раз, – сказала она уклончиво. – Не сейчас.

Они уже подъезжали к Истаду. Анн Бритт жила на западной окраине города, в одном из только что построенных светлых кирпичных особняков с видом на море.

– Я даже не знаю, есть ли у тебя семья, – сказал Валландер, когда они свернули на узкую, еще не до конца благоустроенную улочку.

– У меня двое детей. Муж монтажник. Он устанавливает и ремонтирует насосы по всему миру, все время в командировках. Но на дом он заработал.

– Наверное, интересная работа.

– Я тебя как-нибудь приглашу, когда он будет дома. Сам и спросишь.

Он остановил машину у ее дома.

– По-моему, все рады, что ты вернулся, – сказала она на прощанье.

Валландеру показалось, что это вовсе не так, что она просто старается его подбодрить, но все же пробормотал что-то вроде благодарности.

Он поехал домой на Мариагатан, бросил мокрую куртку на стул и, даже не сняв ботинок, плюхнулся на постель. Ему снилось, что он бродит по песчаным дюнам Юланда.

Через час он проснулся и не сразу сообразил, где находится. Потом снял ботинки, вышел в кухню и сварил кофе. За окном на ветру качался уличный фонарь.

«Скоро зима, – подумал он. – Снег, завалы, метели... И я снова в полиции. Жизнь кидает меня из стороны в сторону.... Есть ли у меня вообще какая-то власть над собственной судьбой?»

Он долго сидел, уставившись на чашку с кофе. Когда кофе окончательно остыл, он стал рыться в кухонном ящике в поисках ручки и блокнота.

«Я должен взять себя в руки. Я снова в полиции, мне платят за то, чтобы я думал и анализировал, чтобы находил и ловил преступников, а вовсе не за то, чтобы я сидел и оплакивал свою личную жизнь».

...Когда он отложил ручку и потянулся, было уже за полночь. Он снова склонился над столом и прочитал написанное. У ног его лежала куча скомканных бумажек.

Не видно системы. Ясной связи между автокатастрофой и убийством Стена Торстенссона пока найти не удастся. К тому же вовсе не обязательно, что смерть Стена – прямое следствие гибели отца. Может быть, все наоборот.

Он вспомнил слова Рюдберга, сказанные тем незадолго до смерти. Они тогда занимались следствием по делу о ряде поджогов с целью убийства. «Причина может возникнуть после того, как следствие уже в разгаре, – сказал Рюдберг. – Полицейский всегда должен уметь прокручивать события в обратную сторону».

Валландер встал, пошел в гостиную и лег на диван. Туманное октябрьское утро. Пожилой человек в машине на поле. Он мертв. Он возвращается от одного из своих клиентов и попадает в аварию. Но сын немедленно начинает сомневаться, что это была обычная авария, – во-первых, отец никогда не ездил быстро в тумане, а во-вторых, в последнее время было видно, что его что-то гнетет, хотя он и старался этого не показывать.

Он резко поднялся и сел. Интуиция подсказывала ему, что решение где-то рядом. Что какая-то система все же есть. Вернее, антисистема, подделка, скрывающая истинный ход событий.

Итак, Стен Торстенссон не имел никаких доказательств, что это была не обычная автомобильная авария. Он не видел ножку стула в мокром поле, не знал про сломанный стул в багажнике отцовской машины. Именно потому, что он не мог найти никаких доказательств, он и обратился ко мне. Не поленился разузнать, где я нахожусь и приехал в Скаген.

Но он в то же время оставляет ложный след. Открытка из Финляндии. И через пять дней его убивают в конторе. И нет никаких сомнений, что это убийство.

Валландер почувствовал, что теряет нить. С таким трудом нащупанная схема, вернее две схемы, одна наложенная на другую, ускользали. Додумать эту мысль до конца он был не в состоянии.

Он просто-напросто устал. Дальше этих простых выводов двинуться этой ночью не удастся. По опыту он знал, что еще не раз вернется к этим догадкам – если только они имеют какое-то значение.

Он пошел в кухню, вымыл чашку из-под кофе и собрал с пола обрывки бумаги.

Надо начать с начала. А где начало? Густав или Стен Торстенссон?

Он долго не мог уснуть, несмотря на усталость. Интересно все же, что заставило Анн Бритт выбрать профессию полицейского? Когда он последний раз поглядел на часы, было половина третьего утра.

Валландер поднялся в начале седьмого, невыспавшийся и уставший, со странным чувством, что проспал. Около половины восьмого он уже был в управлении. Эбба сидела на своем обычном месте в приемной. Заметив его, она поднялась и пошла ему навстречу. Она была так откровенно тронута, что у него подступил комок к горлу.

– Я даже не поверила, – сказала Эбба. – Ты и в самом деле вернулся?

– Как видишь...

– Мне кажется, я сейчас заплачу.

– Не надо, – попросил он. – Потом поболтаем.

Он поспешил по коридору. В его кабинете основательно убрались, на столе лежала записка – звонил отец. Судя по неразборчивому почерку, записку написал Сведберг – отец звонил вчера вечером. Он взял было телефон, но решил, что позвонит попозже. Вытащил блокнот, где накануне записал свои

мысли, и внимательно прочитал. Вчерашнее чувство, что где-то во всем этом угадывается некий порядок, схема, исчезло. Он отодвинул блокнот. «Слишком рано, – решил он. – Я полтора года прогулял неизвестно где, но терпения не прибавилось». Почему-то это его раздражало. Он снова взял блокнот и открыл чистую страницу.

Надо было начинать все с начала. А поскольку никто не мог с уверенностью сказать, где это самое начало находится, придется копать как можно глубже, не отвергая ни одну версию. И лучше бы следствие возглавил Мартинссон. Он, разумеется, приступил к службе, но еще не готов взять на себя всю полноту ответственности.

Задремал телефон. Он, посомневавшись, взял трубку.

– Слышал потрясающую новость, слышал, – сказал Пер Окесон. – Должен сказать, что очень рад.

С Пером Окесоном, прокурором, у Валландера сложились очень хорошие отношения. Они, конечно, иногда спорили, не соглашались в трактовке материалов следствия, Валландер злился на него иной раз, когда тот отказывался подписать ордер на арест в случае, казавшемся Валландеру совершенно очевидным, но у них всегда находилось решение, потому что они одинаково относились к своей работе.

Оба терпеть не могли небрежности в следствии.

– Должен признаться, что чувствую себя пока не в своей тарелке, – сказал Валландер.

– Тут только и говорили, что ты уходишь на пенсию по болезни. Нужно бы сказать Бьорку, чтобы он объяснил людям, что сплетни полицейских не красят.

– Это не сплетни, – сказал Валландер. – Я и в самом деле решил уйти на пенсию.

– А что тебя заставило передумать?

– Кое-какие события, – уклончиво ответил Валландер.

Пер Окесон замолчал, ожидая продолжения. Но продолжения не последовало.

- В общем, я и в самом деле очень рад, что ты вернулся, - повторил Пер Окесон после долгой паузы. - Уверен, что и остальные тоже.

Валландеру уже немножко поднадоели изъявления дружеских чувств, тем более что он в эти признания не особенно верил.

«Цветущий луг и болото, - подумал он. - Так и живешь всю жизнь - одной ногой там, другой здесь».

- Догадываюсь, что ты возглавишь следствие по делу Стена Торстенссона, - сказал Пер. - Надо бы встретиться и обсудить, что и как.

- Не думаю, чтобы я его возглавил. Принять участие - да, но насчет возглавить - нет. Я попросил подключить меня к делу, но с условием, что отвечать за него будет кто-то другой.

- Не мое дело, как вы там решите, - сказал Пер Окесон. - Я просто рад, что ты вернулся. Осмотрелся немного?

- Не могу сказать.

- Насколько мне известно, ничего важного пока не всплыло... Бьорк считает, что следствие будет долгим. А ты сам как думаешь?

Валландер задумался, прежде чем ответить.

- Сам я пока ничего не думаю.

- В странное время мы живем, - сказал Пер Окесон, - жить стало опасно. Без конца анонимные угрозы. Власти раньше работали при открытых дверях, а теперь попрятались в какие-то бункеры... Надо покопаться среди его клиентов. Может найтись ниточка. Недовольный клиент, к примеру.

- Уже начали, - сказал Валландер.

Они договорились, что Валландер зайдет к нему после обеда. Он заставил себя вернуться к составлению плана следствия, но никак не мог сосредоточиться. В раздражении бросил ручку и пошел за кофе, опасаясь встретить кого-нибудь в коридоре. Было уже четверть девятого. Он выпил кофе, думая, когда же пройдет это его упорное нежелание встречаться с людьми. В половине девятого он поднялся, сгреб бумаги и направился в комнату для совещаний. По пути ему вдруг пришло в голову, что за те пять дней, что прошли после убийства Стена Торстенссона, почти ничего не сделано. Обычно первые дни бывают лихорадочными и приносят максимум информации.

Что-то в его отсутствие изменилось, только он не мог понять, что именно.

Без двадцати девять все были на месте, и Бьорк, как обычно, тяжело опустил ладони на стол, давая понять, что оперативка началась. Он сразу повернулся к Валландеру.

– Курт, – сказал он. – У тебя еще глаз не замылен, ты только что окунулся в это дело. Как двигаться дальше?

– Ну, это не мне определять. Я даже не успел толком ознакомиться с материалами.

– Может, ознакомиться ты и не успел, но зато сразу предложил что-то путное, – возразил Мартинссон. – Я-то тебя хорошо знаю и готов держать пари, что ты вчера весь вечер сидел и набрасывал план следствия. Так или не так?

Валландер кивнул. Вдруг он понял, что если ему позволят взять на себя руководство следствием, он не будет сильно возражать.

– Я попытался подбить итоги, если это можно назвать итогами. Но сначала мне хотелось бы рассказать, что произошло неделю... нет, теперь уже больше недели назад в Дании. По-хорошему, надо было это сделать еще вчера, но вчера был сумасшедший день.

И он, делая вид, что не замечает удивленные взгляды сотрудников, рассказал о визите Стена Торстенссона в Скаген, стараясь не пропустить ни одной детали.

Когда он закончил, все долго молчали. Наконец слово взял Бьорк. Он не скрывал раздражения.

– В высшей степени странно, – сказал он. – Не могу понять, почему именно Курт вечно попадает в такие ситуации!

– Я направил его к тебе, – возразил Валландер, чувствуя, что начинает злиться.

– Ладно, не о чем говорить, – продолжил Бьорк, словно не слыша замечания Валландера, – но согласись, что странно. А фактически это означает, что мы должны вновь поднять дело об автокатастрофе.

– Работать сразу в двух направлениях не только естественно, но и необходимо, – сказал Валландер. – И мы должны исходить из того, что убиты двое, а не один. Отец и сын. Нельзя упускать из виду ни того, ни другого. Конечно, ответ на вопрос может заключаться в их частной жизни. А может быть, и в профессиональной – у них была одна адвокатская контора. И то, что Стен Торстенссон не поленился приехать ко мне в Скаген, чтобы рассказать, что отец последнее время был не в себе, дает повод думать, что ключ к разгадке – Густав Торстенссон. Но абсолютной уверенности нет... Хотя бы потому, что Стен послал открытку фру Дюнер из Финляндии в тот день, когда он был в Дании.

– Это говорит еще кое о чем, – вдруг сказала Анн Бритт Хёглунд.

Валландер кивнул.

– Совершенно верно, – сказал он. – Стен Торстенссон догадывался, что и ему что-то угрожает. Иначе зачем бы он заметал следы?

Мартинссон поднял руку.

– Лучше всего будет, если мы разделимся, – сказал он. – Кто-то займется папой, кто-то сыном. А потом посмотрим, не найдется ли общий знаменатель.

– Это я и хотел предложить... – сказал Валландер. – И вот еще что: меня не оставляет чувство, что во всей этой истории есть какая-то странность, несообразность, что ли... Хорошо бы понять, какая.

- Во всех убийствах есть странность, - возразил Сведберг.

- Нет-нет, это что-то другое... В общем, не знаю. Не могу сформулировать.

Бьорк попросил закругляться.

- Поскольку я уже начал заниматься Густавом Торстенссоном, мне, наверное, стоит и продолжать, - сказал Валландер. - Нет возражений?

- Тогда остальные возьмут на себя Стена, - согласился Мартинссон. - Могу предположить, что ты предпочитаешь на этой стадии работать один.

- Не обязательно. Но, если не ошибаюсь, в деле Стена куда больше зацепок. У отца было намного меньше клиентов, к тому же он, как мне кажется, вел довольно размеренную жизнь.

- Сделаем так, - подытожил Бьорк и захлопнул блокнот. - Собираемся, как всегда, каждый день в четыре. Хорошо бы, если бы кто-то помог мне с сегодняшней пресс-конференцией.

- Только не я, - сказал Валландер. - Я просто не в состоянии.

- Я вообще-то думал про Анн Бритт, - сказал Бьорк. - Пусть журналисты увидят нашего нового сотрудника.

- С удовольствием, - сказала Анн Бритт ко всеобщему удивлению. - Этому тоже надо учиться.

Валландер попросил Мартинссона задержаться после встречи и закрыл дверь.

- Нам надо поговорить, - сказал Валландер. - У меня такое ощущение, что я как-то нахально влез сюда и команду, вместо того чтобы подписать заявление об уходе.

- Конечно, все удивлены, - сказал Мартинссон, - и я думаю, ты это тоже понимаешь. Право на рефлексии есть у всех, не только у тебя.

– Я просто не хочу никому наступать на больные мозоли.

Мартинссон неожиданно засмеялся. Потом высморкался.

– Шведская полиция состоит из сплошных больных мозолей. Чем больше полицейских становятся чиновниками, тем больше дает о себе знать карьерный нерв. А бюрократизация полиции приводит к тому, что все окончательно запутываются в инструкциях. Отсюда и больные мозоли. Я понимаю Бьорка – куда девалась основательная и простая полицейская работа?

– Полиция всегда была отражением общества, – сказал Валландер. – Впрочем, я понимаю, куда ты клонишь. Еще Рюдберг беспокоился по этому поводу... Интересно, что сказала бы Анн Бритт – она из нового поколения.

– Она очень способная, – сказал Мартинссон, – настолько, что и Ханссон, и Сведберг ее побаиваются. По крайней мере Ханссон – боится оказаться на вторых ролях. Это одна из причин, почему он в последнее время путешествует по различным курсам усовершенствования.

– Новое поколение полиции... – повторил Валландер и встал. – Это она и есть – новое поколение...

Он пошел к выходу, но в дверях задержался.

– Ты что-то вчера сказал, что меня насторожило, – сказал он. – Насчет Стена Торстенссона. У меня такое чувство, что это было что-то важное.

– Я вчера ничего не говорил, – улыбнулся Мартинссон. – Я читал записи. Могу прислать тебе копию.

– А может быть, мне просто показалось...

* * *

Вернувшись в свой кабинет и захлопнув дверь, он понял, что давным-давно не испытывал подобного чувства. Он как бы снова открыл, что у него есть воля.

Наверное, не все потеряно за эти два года.

Он сидел за столом и словно видел себя со стороны – не держащийся на ногах алкаш в Вест-Индии... идиотская поездка в Тайланд... дни и ночи, когда, казалось, все функции организма, кроме самых основных, перестали существовать... Сейчас ему казалось, что то был не он, а кто-то другой, совершенно не известный ему человек.

Он вздрогнул, представив, какие катастрофические последствия могли повлечь за собой его тогдашние фортели; как всегда в таких случаях, вспомнил о Линде. Размышления его прервал стук в дверь – Мартинссон принес копию своих записей. Валландеру пришло в голову, что у каждого человека есть в душе некий чулан, где хранятся воспоминания. Он мысленно задвинул этот чулан на засов, повесил тяжелый висячий замок и направился в туалет, где спустил в унитаз дневную дозу антидепрессантов.

А потом он вернулся в свой кабинет и приступил к работе. Было уже около десяти часов. Он внимательно прочитал записи Мартинссона, но так и не понял, что накануне привлекло его внимание.

«Слишком рано, – подумал он. – Рюдберг непременно призвал бы к терпению. Надо просто не забыть к этому вернуться».

Он никак не мог сообразить, с чего начать. Потом нашел адрес Густава Торстенссона в материалах следствия.

Тиммермансгатан, 12.

Старинный буржуазный квартал в Истаде, за казармами, рядом с Сандскугеном. Он позвонил в адвокатскую контору. Соня Лундин сказала, что ключи от виллы Торстенссона так и лежат в конторе. Он вышел на улицу и поднял голову. Тяжелые облака рассеялись, воздух был чист и холоден – зима уже не за горами. Он остановил машину у дома, где помещалась контора Торстенссонов, и тут же увидел, как Соня Лундин спешит к нему с ключами.

Он нашел виллу с третьей попытки. Большой, выкрашенный в коричневый цвет деревянный дом стоял в глубине сада, с дороги его почти не было видно. Он толкнул скрипучую калитку и пошел по усыпанной гравием дорожке. Здесь было

так тихо, что казалось, что город где-то очень далеко. Отдельный мирок, государство в государстве, подумал он, осматриваясь. По-видимому, адвокатура приносила Торстенссону неплохие доходы – в Истаде вряд ли можно найти более богатый дом. Ухоженный сад, оставляющий странное впечатление безжизненности. Деревья, тщательно подстриженные кусты, скучные, без фантазии, грядки. Должно быть, старый адвокат чувствовал потребность в прямых линиях, составляющих традиционную планировку сада, никаких сюрпризов, никакой импровизации. Он вспомнил, что слышал когда-то – адвокат Густав Торстенссон довел процесс судебного разбирательства в суде до некоего апофеоза занудства и скуки. Злые языки утверждали, что он однажды выиграл дело только потому, что обвинитель просто не выдержал многочасового монотонного бурчания оппонента. Надо будет расспросить поподробнее Пера Окесона – за эти годы он наверняка не раз сталкивался с Торстенссоном-старшим по работе.

Он поднялся на крыльцо и отпер входную дверь. Замок оказался невероятно сложным, с семью задвижками – Валландер никогда раньше не видел такого. Он оказался в большой прихожей. Широкая лестница в дальнем конце вела на верхний этаж. Тяжелые гардины на окнах задернуты. Он отодвинул одну – окна забраны толстыми решетками. Что же, пожилой одинокий человек, и как у всякого одинокого пожилого человека, неизбежные страхи. Может быть и так. А может быть, ему было что защищать, кроме себя самого? И этот страх... может быть, причина его не в одиночестве, а где-то за стенами этого прочного дома? Он обошел весь дом – сначала нижний этаж с библиотекой, настороженно рассматривающие незваного посетителя портреты предков на стенах, большая гостиная-столовая. Все: и мебель, и обои – в темных мрачных тонах, все основательно и угрюмо, ни одного светлого пятна, ничто не располагает к улыбке.

Он поднялся на второй этаж. Гостиная комната с тщательно заправленными кроватями, напоминающая закрытую на зиму гостиницу. Он с удивлением обнаружил, что в спальне Густава Торстенссона, помимо основной двери, есть еще и внутренняя, тяжелая металлическая решетка. Он спустился вниз по лестнице. Этот дом давил на него. Валландер сел за кухонный стол и поскреб подбородок. Стояла полная тишина, если не считать громкого тиканья кухонных часов.

Густаву Торстенссону в момент смерти было шестьдесят девять лет. Жена умерла пятнадцать лет тому назад, и с тех пор он жил один. Стен Торстенссон –

единственный ребенок. В библиотеке висит писанная маслом копия портрета полководца Леннарта Торстенссона – судя по всему, род Торстенссонов пошел от него. Сомнительная честь – Валландер смутно помнил из школьных учебников истории, что Леннарт Торстенссон во время тридцатилетней войны отличался крайней жестокостью по отношению к крестьянам завоеванных им областей.

Валландер встал и спустился в подвал. Здесь тоже царил идеальный порядок. Рядом с котлом он обнаружил запертую стальную дверь. Он перепробовал почти все ключи с полученной им связки, пока не нашел нужный. В подвале окон не было, и он долго шарил по стене в поисках выключателя.

Подвал оказался на удивление просторным. Вдоль стен стояли стеллажи, а на стеллажах – множество восточноевропейских икон. Ничего не трогая, Валландер прошел вдоль стеллажей. Он плохо разбирался в иконах, да и особого интереса к антиквариату у него не было, но, по-видимому, коллекция была очень ценной. В таком случае легко объясняется и невероятной сложности замок на двери, и металлические решетки на окнах... но зачем зарешечена спальня? У него появилось неприятное чувство. Он словно заглянул во внутренний мир старого богатого человека... его уже нет в живых, а мир этот продолжает существовать под семью замками в доме, охраняемом жадностью, и высшее проявление этой жадности – бесчисленные лики Богоматери на полках в подвале.

Он вздрогнул – в доме послышались шаги, потом залаяла собака. Он быстро поднялся по лестнице в кухню и с удивлением увидел Петерса. Он целился в Валландера из служебного пистолета. Рядом с ним стоял парень из внешней охраны, держа на поводке рычащую собаку.

Петерс опустил пистолет. У Валландера участилось сердцебиение. Вид оружия пробудил память о событиях, которые он изо всех сил старался забыть.

Он рассвирепел:

– Какого черта! Что все это значит?

– В охране сработала сигнализация, и они позвонили в полицию, – сказал Петерс. – Вот мы и приехали. Кто же знал, что это ты в доме.

На пороге возник напарник Петерса, Нурен, тоже с пистолетом в руке.

- Идет следствие, - сказал Валландер, постепенно успокаиваясь, - здесь жил адвокат Торстенссон, погибший в автокатастрофе.

- Если сигнализация срабатывает, мы приезжаем, - сказал парень из внешней охраны с обидой.

- Так отключите ее! Через пару часов можете опять включить. Но сначала все вместе осмотрим дом, причем сделать это надо очень и очень основательно.

- Это комиссар Валландер, - сказал Петерс. - Ты же его знаешь.

Парень кивнул. Он был очень молод, Валландер никогда его раньше не встречал.

- Забери собаку и можешь быть свободен, - сказал он.

Охранник окликнул рычащую овчарку и ушел. Валландер пожал руки Петерсу и Нурену.

- Я слышал, ты опять вышел на работу, - сказал Нурен. - Добро пожаловать!

- Спасибо.

- Без тебя все было как-то не так, - сказал Петерс.

- Теперь я тут, - сказал Валландер. Ему хотелось побыстрее перейти к делу.

- Чего только не говорили, - сказал Петерс. - Информация оставляет желать лучшего. Говорили, что ты уже ушел на пенсию. А ты, оказывается, квартиры взламываешь.

- Жизнь полна неожиданностей, - буркнул Валландер.

- Как бы то ни было, я очень рад, - сказал Петерс и опять протянул ему руку.

Впервые за все это время у Валландера появилось чувство, что дружелюбие, с которым его встретили на службе, не показное, а искреннее. Петерс притворяться не умел, слова его были просты и убедительны.

– Это было нелегкое время, – сказал Валландер. – Но теперь все позади. Надеюсь, что все позади.

Он вышел на улицу проводить Петерса и Нурена. Когда они уехали, он немного побродил по саду, стараясь привести мысли в порядок. Это было нелегко – печальная судьба двух адвокатов каким-то образом сплеталась с его личными переживаниями. Наконец он решил, что пора еще раз встретиться с фру Дюнер. Теперь он знал, какие вопросы ей задать.

Около двенадцати он позвонил в ее дверь. Она впустила его и предложила чаю. На этот раз он не отказался.

– Мне очень неудобно, что я так часто вас беспокою, – извинился он, – но без вашей помощи не обойтись. Мне нужно составить представление об отце и сыне. Каким был Густав Торстенссон? Каким был Стен Торстенссон? Вы работали с Густавом почти тридцать лет...

– И девятнадцать со Стеном, – вставила она.

– Это большой срок... За это время можно узнать о человеке все или почти все. Давайте начнем со старшего... Не могли бы вы мне его описать?

Ее ответ удивил Валландера.

– Нет, – уверенно сказала фру Дюнер. – Описать я его не могу.

– Почему?

– Потому что я его не знала.

Она не притворялась и не разыгрывала его. Валландер решил не торопиться, идти вперед медленно, как будто у него в запасе было неограниченное количество времени.

– Надеюсь, фру Дюнер понимает, что эти слова звучат странно, – осторожно сказал он. – Итак, вы не знаете человека, с которым проработали тридцать лет?

– Не с ним, – возразила она. – Я работала на него. Это большая разница.

Валландер кивнул, соглашаясь:

– Даже если вы были доверенным лицом Густава, все равно, вы должны много о нем знать. И я вас прошу рассказать все, что вы знаете. В противном случае мы никогда не сможем найти убийцу его сына.

И тут фру Дюнер удивила его вновь.

– Комиссар скрывает от меня правду, – сказала она. – Что же на самом деле случилось там, на дороге?

– Этого мы пока не знаем, – ответил он. – Но мы подозреваем, что в связи с аварией имели место и какие-то другие события. Мы не знаем, послужили ли эти события причиной аварии, или все произошло потом.

– Он ездил этой дорогой много раз, – сказала она. – Он знал ее наизусть, каждый поворот. И он никогда не гнал.

– Если мне сказали правильно, он навещал кого-то из своих клиентов.

– Человека из Фарнхольма.

Валландер ждал продолжения, но так и не дождался.

– Человека из Фарнхольма? – переспросил он.

– Альфред Хардерберг. Человек из Фарнхольма.

Валландер знал, что замок Фарнхольм расположен в довольно глухом месте на южном берегу реки Линдерёд. Он несколько раз проезжал мимо поворота на замок, но никогда там не был.

– Он был самым крупным клиентом в конторе, – продолжила фру Дюнер. – А у Густава Торстенссона в последние годы – единственным.

Валландер нашел в кармане клочок бумаги и записал имя.

– Никогда не слышал, – сказал он. – Он что, помещик?

– Если человек купил замок, то он волей-неволей помещик. Но он землей не занимается, у него какие-то большие международные дела.

– Обязательно с ним свяжусь, – сказал Валландер. – В конце концов, он был последним либо одним из последних, кто видел Густава Торстенссона в живых.

На пол в прихожей с шумом упали засунутые в почтовую щель рекламные проспекты. Валландер заметил, что фру Дюнер вздрогнула.

И она чего-то боится. Но чего?

– Итак, Густав Торстенссон, – снова сказал он. – Давайте попытаемся еще раз. Попробуйте его описать.

– Он был, наверное, самым замкнутым человеком из всех, кого я встречала в своей жизни.

Валландер почувствовал раздражение в ее голосе.

– Он никогда никого к себе не подпускал. Педант, всегда следовал раз и навсегда заведенному порядку. Из тех, про кого говорят, что по ним можно сверять часы. Причем буквально. Не человек, а силуэт... ни дружелюбный, ни враждебный... просто скучный до невозможности.

– А Стен Торстенссон утверждал, что его отец был довольно веселым человеком, – возразил Валландер.

– С этой стороны я его не знала, – холодно произнесла фру Дюнер.

– А какие отношения были у него с сыном?

– Густава раздражали попытки сына модернизировать дело, – не задумываясь, ответила она. – А Стен считал, что отец – обуза для конторы. Но ни тот, ни другой не показывали своего недовольства. Оба боялись открытых конфликтов.

– Стен незадолго до своей гибели намекал, что отец в последнее время был чем-то встревожен. Что вы можете сказать по этому поводу?

На этот раз она задумалась:

– Может быть... Когда комиссар заговорил об этом... И в самом деле – в последние месяцы он был... как бы это сказать... отсутствующим, что ли...

– И вы можете это объяснить?

– Нет.

– Ничего особенного не случилось?

– Нет. Ровным счетом ничего.

– Я хочу, чтобы вы хорошенько подумали. Это очень важно.

Она налила себе еще чаю. Валландер ждал. Наконец она подняла на него глаза.

– Я не могу ответить на этот вопрос. У меня нет объяснения.

Валландер, еще не дослушав фразу, понял, что она что-то скрывает, но решил пока на нее не давить. Все пока еще не обрело форму, для решительных допросов было не время.

Он отодвинул чашку и встал.

– Тогда не буду больше беспокоить, – сказал он. – Спасибо за беседу. Но, к сожалению, должен предупредить, что это не последний наш разговор.

– Конечно, конечно, – сказала фру Дюнер.

– Если что-то вспомните, обязательно позвоните, – уже на улице сказал Валландер вышедшей проводить его фру Дюнер. – Не сомневайтесь и не тяните. Любая деталь может оказаться решающей.

– Обязательно, – заверила она и закрыла дверь.

Валландер сел за руль и некоторое время сидел неподвижно. У него было тяжело на душе. Сам не мог объяснить почему, но он чувствовал, что за гибелью двух адвокатов скрывается что-то чрезвычайно серьезное, даже пугающее. А они пока только скребут по поверхности.

«Что-то нас уводит от главного направления, – подумал он. – Эта открытка из Финляндии... может быть, это вовсе не ложный след, а истинный? Но тогда след чего?»

Он уже собрался завести мотор, как вдруг заметил, что на противоположной стороне улицы стоит молодая, лет двадцати, женщина, скорее всего азиатского происхождения и внимательно за ним наблюдает. Поняв, что он ее заметил, она повернулась и быстро пошла прочь. В зеркале заднего вида Валландер видел, как она, не оборачиваясь, свернула на Хамнгатан.

Он был совершенно уверен, что никогда раньше ее не видел.

Но это вовсе не означало, что и она его не знает. За годы работы в полиции он нередко встречался с беженцами и соискателями вида на жительство.

Валландер поехал в полицию. По-прежнему дул сильный, порывистый ветер. С востока натягивало темные облака. Уже добравшись до поворота на Кристианстадсвеген, он вдруг резко затормозил. Сзади истерически просигналил грузовик.

«Я реагирую слишком медленно, – подумал он. – Не замечаю даже очевидных вещей».

Он развернулся вопреки всем правилам дорожного движения и той же дорогой поехал назад. Оставил машину у почты на Хамнгатан и по переулку поспешил к Стиквеген. Валландер выбрал удобное место, откуда был хорошо виден розовый дом фру Дюнер.

Было довольно холодно. Он начал прогуливаться взад и вперед, все время держа дом под наблюдением.

Прошел час, он уже готов был сдаться, но почему-то был уверен, что не ошибается. Его, наверное, уже ждет Пер Окесон. Напрасно ждет.

В двадцать семь минут четвертого дверь в розовом доме отворилась. Валландер поспешно отступил за выступ здания.

Сомнений не было – это была она, та самая молодая женщина с азиатской внешностью, которую он видел полтора часа назад.

Она исчезла за углом.

И в ту же минуту пошел дождь.

5

Оперативное совещание следственной группы, начавшееся в четыре, продолжалось ровно семь минут. Валландер пришел последним. Он весь вспотел и никак не мог справиться с одышкой. Все смотрели на него с любопытством, но никто ничего не сказал.

Сразу стало ясно, что ни у кого ничего нет – ни новых фактов, ни повода для дискуссии. Это был хорошо знакомый всем полицейским этап следствия, на их жаргоне – проходка туннеля. Каждый работал в одиночку, стараясь увидеть что-то под поверхностью. Говорить пока было не о чем. Единственный вопрос возник у Валландера.

– Кто такой Альфред Хардерберг? – спросил он, посмотрев в бумажку, на которой он записал незнакомое имя.

– А я думал, его все знают, – удивленно сказал Бьорк. – Один из самых успешных предпринимателей страны. Когда он не улетает по делам на своем личном самолете, он живет здесь, в Сконе.

– Ему принадлежит замок Фарнхольм, – вставил Сведберг. – Говорят, у него там аквариум с настоящим золотым песком.

– Он был клиентом Густава Торстенссона, – сказал Валландер, – самым крупным клиентом. И к тому же последним. Густав ездил к нему в день аварии.

– Хардерберг организует сбор частных средств в помощь жертвам балканской войны, – сказал Мартинссон. – Чего не сделаешь, когда денег сколько угодно.

– Во всяком случае, Альфред Хардерберг заслуживает всяческого уважения, – сказал Бьорк.

Валландер почему-то разозлился.

– Все заслуживают уважения, – буркнул он. – И все же я к нему съезжу.

– Только сначала позвони, – сказал Бьорк и встал.

На этом оперативка и закончилась. Валландер захватил кофе и пошел к себе в кабинет – ему хотелось в одиночестве поразмышлять, что мог означать таинственный визит юной азиатки к фру Дюнер. Вполне возможно, что ровным счетом ничего. Но интуиция подсказывала ему, что здесь что-то есть. Он положил ноги на стол и откинулся в кресле. Чашку с кофе, с трудом добившись равновесия, он пристроил на колене.

Зазвонил телефон. Он потянулся за трубкой и, разумеется, тут же уронил чашку и залил брюки кофе.

– О, черт! – воскликнул он, не донеся трубку до уха.

– Хамить вовсе не обязательно, – сказал его отец. – Я только хотел узнать, почему ты не даешь о себе знать.

Валландеру стало стыдно, и он, как всегда в таких случаях, начал злиться. Неужели он никогда не дождетя, чтобы их отношения с отцом были не такими напряженными или хотя бы чтобы это напряжение не находило постоянного выхода...

– Я уронил чашку с кофе и обжег ногу, – попытался объяснить он.

Но отец, казалось, пропустил его слова мимо ушей.

– А почему ты на работе? – спросил он. – Ты же на больничном?

– Уже не на больничном. Я вышел на службу.

– Когда?

– Вчера.

– Вчера?

Валландер почувствовал, что этот разговор может продолжаться до бесконечности, если ему не удастся что-то придумать, чтобы его прервать.

– Я должен тебе все объяснить, – сказал он. – Но сейчас мне некогда. Я вечером заеду, хорошо? И тогда все расскажу.

– Давненько я тебя не видел, – сказал отец и положил трубку.

Валландер несколько секунд сидел с трубкой в руке и слушал короткие гудки. Отцу в следующем году исполнится семьдесят семь, а отношения у них все такие же странные. Они всегда были странные, сколько он себя помнил. Особенно скверно стало после того, как он объявил, что собирается стать полицейским. С тех пор прошло уже двадцать пять лет, и отец ни разу не упустил возможности его подколоть. Валландера же постоянно мучила совесть, что он уделяет так мало времени состарившемуся отцу. В прошлом году отец ни

с того ни с сего женился на женщине моложе его на тридцать лет – она трижды в неделю приходила к нему помогать по хозяйству, отцу по возрасту полагалась такая помощь. Валландер решил, что отец больше не будет испытывать такого острого недостатка в общении. Но теперь, сидя с попискивающей трубкой в руке, он понял, что ничто не изменилось.

Он положил трубку, поднял чашку и кое-как высушил брюки с помощью выдранной из блокнота бумаги. И тут же вспомнил, что ему надо встретиться с прокурором Пером Окесоном. Секретарь соединил его с Пером сразу. Валландер извинился за опоздание, и Пер предложил поговорить завтра утром.

Поговорив с прокурором, Валландер пошел за новой чашкой кофе. В коридоре он столкнулся с Анн Бритт – та несла целую стопку папок.

– Как дела? – спросил Валландер.

– Медленно и скучно, – сказала она. – Впрочем, не могу избавиться от чувства, что есть что-то необычное в смерти этих двух адвокатов.

– И я тоже, – сказал Валландер с некоторым удивлением. – А что тебе кажется необычным?

– Пока не знаю.

– Давай поговорим завтра, – предложил он. – Я уже давно понял, что нельзя недооценивать даже то, для чего и слов-то подобрать не можешь.

Он вернулся в комнату, отодвинул телефон и достал блокнот. Ему вспомнился холодный берег в Скагене и внезапно появившийся из тумана Стен Торстенссон. «Тогда и началось для меня это следствие, – подумал он. – Оно началось, когда Стен был еще жив».

Валландер, не торопясь, постарался вспомнить все, что ему было известно о двух погибших адвокатах. Он продвигался медленно, словно разведчик, стараясь не упустить ничего важного, то и дело поглядывая по сторонам. На то, чтобы сопоставить и оценить все имеющиеся у них факты, ушло не меньше часа.

«Что же это такое, что я вижу и в то же время не вижу? – раз за разом спрашивал он себя. – Один погиб в странной автокатастрофе, наверняка инсценированной. Это были хладнокровные убийцы, они постарались скрыть следы преступления. Эта ножка стула, застрявшая в грязи, – единственная и странная их ошибка. Как всегда, два главных вопроса – кто и почему? Но, может быть, есть и что-то другое».

Вдруг он сообразил, что не продвинется дальше, пока не перевернет один из лежащих на дороге камней. Он нашел телефон фру Дюнер и набрал номер.

– Извините, что беспокою, – сказал он, услышав ее голос, – но мне нужно немедленно получить ответ на один вопрос.

– Если я смогу на него ответить, – сказала она.

«Вообще-то, у меня два вопроса, – подумал он. – Но второй, насчет азиатки, я пока приберегу».

– В день гибели Густав Торстенссон был в замке Фарнхольм. Сколько человек знало, что он вечером собирается туда ехать?

Она молчала. «Интересно, пытается вспомнить или формулирует подходящий ответ?» – подумал Валландер.

– Прежде всего, знала я, – сказала она. – Возможно, я говорила об этом с фрекен Лундин. Но больше не знал никто.

– А Стен Торстенссон?

– Не думаю. У них были разные рабочие графики, каждый планировал свои встречи сам.

– То есть знали только вы.

– Да.

– Еще раз прошу прощения, – сказал Валландер и повесил трубку.

Значит, знала только фру Дюнер, она одна.

Он не сомневался, что она говорит правду. Ее ответ означал только одно: кроме нее о визите Густава Торстенссона в Фарнхольм знал только один человек: хозяин Фарнхольмского замка.

Он вновь углубился в размышления. Почему-то ему не удавалось сконцентрироваться на чем-то одном – картина следствия все время менялась. Мрачный дом со сложными запорами. Коллекция икон, спрятанная в подвале. Дальше – полная неясность. Зайдя в тупик, он начал думать о Стене Торстенссоне. Тоже полная тьма, ночь, детали неразличимы. Неожиданный приезд Стена в Скаген, вой ревунов в тумане, а потом еще это пустынное кафе в музее – все это сейчас напоминало Валландеру какую-то полуопереточную интригу. Но, к сожалению, ставкой в этой оперетте была жизнь. Валландер ни секунды не сомневался в словах Стена, что отец его был в последнее время подавлен и встревожен. Он не сомневался и в том, что открытка из Финляндии, посланная кем-то, ясное дело, по просьбе Стена, говорила о многом. Стену что-то угрожало, он старался замести следы. Если это только было замечание следов, а не что-то иное.

«Ничего не клеится, – подумал Валландер. – Пока ничего не клеится. Но все равно, кое-какие трофеи уже есть. Плюс разрозненные факты, вроде этой женщины-азиатки, не желающей, чтобы кто-то увидел, как она входит в розовый дом Берты Дюнер. И сама фру Дюнер – она лжет хорошо, но не настолько, чтобы старший следователь истадской полиции попался на эту ложь... или, во всяком случае, не догадался – что-то тут не так».

Валландер встал, потянулся и подошел к окну. Было уже шесть, на улице стемнело. Из коридора донесся звук шагов – Валландер уже приготовился крикнуть: «Войдите», как шаги стали удаляться. Он вдруг вспомнил фразу, которую незадолго до смерти обронил старый Рюдберг: «Полиция, в сущности, – это тюрьма. Мы как зеркальные отражения друг друга – полицейские и преступники. И не всегда, а вернее, никогда мы не знаем точно, кто по какую сторону стены находится».

Он почувствовал себя брошенным и беспомощным и, как всегда в такие моменты, затеял мысленный разговор с Байбой Лиепой, словно она была рядом в комнате... словно и комната была не его служебным кабинетом, и располагалась

не в здании истадской полиции, а в сером обшарпанном доме в Риге, в ее квартире с приглушенным светом и всегда задернутыми шторами. Но картинка эта вдруг помутнела, заколебалась и съежилась, вытесненная другой: он ползет по грязному полю с дробовиком в одной руке и пистолетом в другой, как дурацкое подобие какого-нибудь киногероя... но лента рвется, в действительности убийство и смерть – вовсе не кролики, доставаемые по заказу из шляпы фокусника. Он видит, как человек падает, убитый выстрелом в лоб, а потом он стреляет сам – и не просто стреляет, нет, он совершенно уверен, что стреляет с желанием убить того, в кого он целится...

«Я слишком редко смеюсь, – подумал он, – я даже не заметил, как начал стареть, и возраст пригнал меня к берегу, к которому и подойти-то нельзя – сплошные подводные рифы».

Он вышел из кабинета, оставив все бумаги на столе. В приемной Эбба говорила с кем-то по телефону. Она знаком попросила его задержаться, но он махнул рукой, словно извиняясь, что сейчас занят.

Валландер приехал домой и приготовил ужин – вряд ли он смог бы вспомнить, что именно он ел в тот вечер. Полил цветы на подоконниках, все пять горшков. Потом собрал раскиданное по всему дому грязное белье и запихнул в стиральную машину. Тут же обнаружилось, что в доме нет стирального порошка. Он сел на диван и постриг ногти на ногах, то и дело оглядываясь, словно ожидал, что в комнате вдруг ни с того ни с сего кто-нибудь появится. Дождь за окном почти прекратился, хотя в свете фонарей все еще видна была словно повисшая в воздухе легкая изморось.

В среду Валландер проснулся рано утром. Было еще темно. Он посмотрел на стоящие на тумбочке часы со светящимся циферблатом – было около пяти. Он повернулся на другой бок, чтобы поспать еще, но сон не шел. Ему было беспокойно. Никогда и ничто не будет так, как раньше. Не важно, пусть какие-то воспоминания поблекнут, какие-то сохранятся, какие-то изменятся, это совершенно безразлично, все равно он обречен жить в двух временных измерениях: до и после. Курт Валландер существует, разумеется, но в то же самое время его вовсе и нет в природе.

В полшестого он встал, выпил кофе и дождался газеты, из которой узнал, что на улице четыре градуса тепла. Движимый все тем же беспокойством, которое он не мог ни унять, ни переждать, он вышел на улицу в шесть, сел в машину и

завел мотор. Тут ему пришло в голову, что он вполне может взять курс на север и заехать в Фарнхольмский замок. Где-то по дороге можно остановиться, попить кофе, выждать время и позвонить, что он едет. Проезжая полигон, он старался не смотреть направо – там почти два года назад разыгралась последняя битва того, бывшего Валландера. Тогда, в тумане, он внезапно осознал, что есть люди, не останавливающиеся ни перед чем; эти люди, ни секунды не сомневаясь, могут лишить жизни кого угодно, если это пойдет им на пользу. Тогда, стоя на коленях в грязи, в отчаянии он сделал этот спасительный выстрел, на удивление точный – и убил человека. С этого момента у него началась другая жизнь – к той, прежней, возврата уже не было. Похороны и роды одновременно.

Он ехал по дороге на Кристианстад и невольно снизил скорость там, где погиб Густав Торстенссон. Доехав до Сконе-Транос, Валландер остановился – здесь было придорожное кафе. Выйдя из машины, он поежился – дул сильный холодный ветер. Надо было надеть куртку потеплее. Ему следовало бы подумать, во что одеться – старые териленовые брюки и грязная ветровка не совсем приличны, когда едешь с визитом к владельцу замка. «Интересно, что бы надел Бьорк в этом случае, – подумал он, когда открывал дверь в кафе. – Наверняка что-нибудь попримечнее, даром что речь шла о сугубо служебном визите».

В кафе никого не было. Он заказал кофе и бутерброд с сыром. Время шло медленно – было всего без четверти семь. Он полистал лежавший на столе еженедельник, но это ему тут же надоело, и Валландер стал прикидывать, как ему построить разговор с Альфредом Хардербергом или с кем-то, кто мог бы что-то рассказать о последнем визите Густава Торстенссона. В половине восьмого он попросил разрешения воспользоваться стоящим на стойке бара телефоном и для начала позвонил в Истад. На месте был только Мартинссон – тот всегда являлся на службу очень рано. Валландер объяснил, где он, и сказал, что будет часа через два.

– Ты знаешь, с какой мыслью я проснулся сегодня? – спросил Мартинссон.

– Нет. Откуда?

– Что Густава Торстенссона убил сын, Стен Торстенссон.

– А как ты объяснишь то, что произошло с ним самим? – удивился Валландер.

– А никак. Но я все яснее чувствую, что загадка скрыта в их работе, а не в частной жизни.

– Или в том и другом.

– Что ты имеешь в виду?

– Да нет, все это ерунда, – уклонился от ответа Валландер. – Мне тоже сон приснился. В общем, я приеду, когда смогу.

Он нажал на рычаг и набрал номер Фарнхольмского замка. Трубку взяли мгновенно.

– Замок Фарнхольм, – сказал женский голос, в котором угадывался легкий иностранный акцент.

– Говорит комиссар Валландер из истадской полиции. Мне надо поговорить с Альфредом Хардербергом.

– Он в Женеве, – сказала женщина.

Валландер опешил. Разумеется, он мог бы подумать, что человек, занимающийся международным бизнесом, может быть в отъезде.

– А когда он вернется?

– Этого он не сообщил.

– Завтра, на следующей неделе?

– Я не могу сказать вам это по телефону. К тому же его поездки строго засекречены.

– Не забудьте, что с вами говорят из полиции, – сказал Валландер, начиная раздражаться.

– А откуда я это знаю? Кто угодно может сказать, что он из полиции.

– Я приеду в замок через полчаса. Кого мне спросить?

– Вам скажут охранники, – сказала женщина. – Надеюсь, у вас есть с собой действительное удостоверение.

– Что значит – действительное?

– Это определяем мы, – сказала она холодно, и разговор прервался.

Валландер со стуком бросил трубку на рычаг. Официантка, выкладывающая пирожные на блюдо, посмотрела на него с неодобрением. Он бросил деньги на прилавок и вышел, не сказав ни слова.

Через пятнадцать километров Валландер свернул налево. Дорога шла через густой лес на южном берегу реки. На перекрестке он резко затормозил. Гранитная стела с золотыми буквами подтвердила, что он едет правильно. Он подумал, что стела похожа на дорогой могильный камень.

Дорога к замку была тщательно заасфальтирована. За деревьями скрывался высокий забор. Он снова затормозил и опустил стекло, чтобы лучше видеть. Оказывается, это были два забора с метровым промежутком между ними. Он покачал головой, поднял стекло и поехал дальше. Примерно через километр дорога резко поворачивала к воротам. Низкое серое строение с плоской крышей, по-видимому, будка охраны, более всего напоминало бункер. Он остановился и подождал. Никто не появился. Он посигналил – никакой реакции. Валландер почувствовал, как в нем закипает раздражение. Почему-то этот забор и запертые ворота его унижали. В ту же минуту из стальных дверей бункера появился человек в странной униформе – Валландер никогда такой не видел. Он никак не мог привыкнуть, что разнообразные охранные предприятия в стране растут как грибы после дождя.

Человек в темно-красном мундире подошел к воротам. На вид он был ровесником Валландера.

И тут же он его узнал.

- Курт Валландер, - сказал охранник. - Не вчера это было.

- Да, - сказал Валландер, - не вчера. Сколько же лет прошло? Пятнадцать?

- Двадцать, - сказал охранник. - А может, и больше.

Валландер порылся в памяти и вспомнил - они были тезки, этого парня тоже звали Курт, фамилия, правда, была другая - Стрём. Когда-то они вместе работали в полиции в Мальмё. Валландер тогда был совсем зеленым юнцом, Стрём - чуть постарше. Особой дружбы между ними не возникло - обычные служебные отношения. Потом Валландер переехал в Истад и спустя много лет услышал, что Стрём ушел из полиции. Он с трудом припомнил - шли какие-то слухи, что его уволили. То ли избил задержанного, то ли утаил какие-то вещественные доказательства... нет, точно он не помнил.

- Я удивился, когда услышал, что ты приедешь, - сказал Стрём.

- Значит, мне повезло, - сказал Валландер. - А то мне предложили предъявить какое-то «действительное» удостоверение. Что вы признаете действительным?

- Безопасность в замке на очень высоком уровне. Мы тщательно проверяем всех посетителей.

- А что за богатства вы здесь охраняете?

- Никаких богатств. Просто здесь живет человек, занимающийся очень серьезными делами.

- Альфред Хардерберг?

- Именно он. У него есть то, о чем многие могут только мечтать.

- Что?

- Знания. Его знания стоят больше, чем любые деньги.

Валландер кивнул. Он понял, что имел в виду Стрём, но ему была неприятна его угодливая интонация.

– Ты когда-то служил в полиции, – сказал Валландер, – а я и теперь служу. Так что ты, наверное, понимаешь, зачем я приехал.

– Газеты я читаю. Наверное, что-то с этим адвокатом.

– С двумя адвокатами, – уточнил Валландер. – Не с одним, а с двумя. Оба мертвы. Но, если я правильно понимаю, с Хардербергом имел дела только старший.

– Он часто приезжал, – подтвердил Стрём. – Очень симпатичный человек. Скромный.

– Последний раз он был здесь вечером одиннадцатого октября, – продолжил Валландер. – Ты тогда работал?

Стрём кивнул.

– Ты, наверное, ведешь записи, кто и когда приезжает и уезжает.

Стрём усмехнулся:

– Мы давно с этим завязали. Поставили компьютер.

– Мне бы хотелось посмотреть распечатку за одиннадцатое октября.

– Попроси в замке. Я не имею права кому бы то ни было давать распечатки.

– Но ты, наверное, имеешь право вспомнить?

– Я знаю, что он был здесь в тот вечер. Но вот когда приехал и когда уехал, точно не помню.

– Он был один в машине?

- Не могу сказать.

- Потому что не имеешь права?

Стрём кивнул.

- Знаешь, я иногда подумывал, не пойти ли мне работать в частную охрану, - сказал Валландер. - Но теперь думаю, что мне было бы трудно привыкнуть к тому, что я не имею права отвечать на вопросы.

- Все имеет свою цену, - сказал Стрём.

Валландер не нашелся что сказать. Наверное, Стрём прав. Он внимательно посмотрел на него. Они помолчали.

- Что за человек - Альфред Хардерберг? - спросил наконец Валландер.

Ответ его удивил.

- Понятия не имею.

- Но что-то ты можешь о нем сказать? Или тоже не имеешь права?

- Я никогда его не видел, - сказал Стрём.

Он несомненно не врал.

- А давно ты у него работаешь?

- Скоро пять лет.

- И никогда не видел?

- Никогда.

- Он никогда не проходил мимо этих ворот?
- Он ездит в машине с тонированными стеклами.
- Это, наверное, тоже звено в системе безопасности?

Стрём кивнул.

Валландер задумался.

- Но это значит, - сказал он, - что ты не можешь с уверенностью сказать, дома он или уехал. Ты даже не знаешь, сидит ли он в своей машине или там кто-то другой?

- Этого требуют правила безопасности.

Валландер вернулся к машине. Стрём скрылся за стальной дверью, и ворота почти сразу беззвучно разъехались в стороны. Другой мир, подумал Валландер.

Через километр лес стал реже и светлее. Замок стоял на холме, окруженном большим ухоженным парком. Сам замок и прилегающие строения были сложены из темно-красного кирпича. Башни, бойницы, балюстрады и балконы. Единственное, что нарушало иллюзию другого мира и другой эпохи, - вертолет, стоявший на бетонированной площадке.

Валландеру он напомнил настороженно спящее гигантское насекомое с опущенными крыльями.

Он медленно подъехал к главному входу, стараясь не задавить гуляющих прямо перед капотом павлинов, поставил машину позади черного «БМВ» и вышел. Стояла полная тишина. Это безмолвие напомнило ему вчерашний день, когда он шел по гравийной дорожке к вилле Густава Торстенссона. Может быть, этой тишиной и отличается жизнь состоятельных людей. Не оркестры, не фанфары - тишина и покой...

В тот же момент в парадном входе открылась половинка двустворчатой двери, и на крыльце появилась женщина лет тридцати в великолепно сидящем и, по-

видимому, очень дорогое платье.

– Прошу вас, заходите, – сказала она с улыбкой, настолько же корректной, насколько и неискренней.

– Не знаю, соответствует ли вашим требованиям мое удостоверение, – сказал Валландер. – На мое счастье, меня узнал ваш охранник по имени Стрём.

– Я знаю, – сказала женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/henning-mankell/chelovek-kotoryy-ulybalsya-3/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

«Сканска» – крупнейшая шведская строительная фирма. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Скаген – город в Дании. Расположен на северной оконечности мыса Юланд, водораздела между проливами Каттегат и Скагеррак.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/henning-mankell/chelovek-kotoriy-ulybalsya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)